

XIX съезд КПК

Круглый стол в ИДВ РАН **«XIX съезд Коммунистической партии Китая** **и российско-китайские отношения»**

С 18 по 24 октября 2017 г. в КНР проходил XIX съезд Коммунистической партии Китая, который, как подчеркивали китайские СМИ, носил «открытый» и «глобальный» характер: его освещали более 3600 журналистов из 134 стран и территорий мира. Идея «всестороннего освещения» этого события преподносилась в КНР как трансляция «голоса Китая» всему миру и разъяснение «будущего плана развития страны».

8 ноября 2017 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН был организован Круглый стол «XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения», в работе которого приняли участие ведущие специалисты Института и других научно-образовательных учреждений.

Состоявшееся в ходе Круглого стола откровенное обсуждение проблем российско-китайских отношений и внешней политики Китая в контексте решений XIX съезда КПК показало, что отношения с КНР сегодня являются главным направлением внешней политики РФ, а Китай — ведущим партнером России в экономической и политической областях.

Вместе с тем происходящее в последние несколько лет определенное «приукрашивание» состояния и характера российско-китайских отношений мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Попытка представить отношения РФ и КНР исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствует их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Ниже следует основное содержание выступлений участников Круглого стола.

С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., директор ИДВ РАН:

Для КНР 2017 год стал, как известно, годом XIX съезда КПК и основных идей компартии по углублению и дальнейшему продвижению модели «социализма с китайской спецификой», включая внешнеполитическую часть. Очевидно, что ряд официальных определений и понятий из китайской внешнеполитической лексики 2016 г. и более раннего периода («четыре содействия», «взаимный выигрыш», «совместное развитие» и др.) плавно трансформировались в повестку этого года.

Важным моментом на съезде стал отчет Председателя КНР Си Цзиньпина о работе по реализации за последние пять лет инициативы «Один пояс, один путь». Одноре-

менно руководитель КНР «презентовал» для китайского и международного сообщества относительно новую идею «сообщества единой судьбы», которая до съезда им неоднократно озвучивалась.

Начиная с 2013 г. Си Цзиньпин выступал с идеей создания «*сообщества единой судьбы*», адресовал ее Африке, Латинской Америке, АСЕАН, а также сопредельным странам в целом («азиатское сообщество судьбы», «азиатско-африканское сообщество судьбы», «сообщество судьбы Китая и АСЕАН»). Одной из недавних вариаций на эту тему стала идея «сообщества судьбы ядерной безопасности». В этих формулировках акцент делается на равноправии, взаимных консультациях о правилах взаимодействия, стремлении к партнерским отношениям, к открытости, инклюзивности, признании многообразия культур и путей развития. Из китайских публикаций можно сделать вывод, что «сообщество единой судьбы» означает создание механизмов взаимодействия, предполагающих общую ответственность, формирование комплексного сотрудничества в политике, экономике и культуре.

Принципиально важным в этой идее является констатация, что ни одна большая держава не может навязывать любым другим государствам свои внутренние ценности¹. Современная политика, к сожалению, знает массу примеров, когда США и ряд других стран — союзников Америки, под предлогом тех или иных «гуманитарных акций» силой навязывали свое понимание «справедливости и ценностей», например, Ираку, Ливии и др.

Понятно, что объявленная идея нуждается в экспертном «наполнении» и развитии. В частности, просматривается исследование возможностей и выявление препятствий в процессе взаимодействия китайской и других сопредельных цивилизаций, перспектива формирования евразийского сообщества («Большой Евразии») в рамках сближения различных инициатив и проектов КНР, РФ, Казахстана и других государств континента.

Традиционный подход во внешней политике КНР, сформировавшийся, как известно, еще в эпоху правления Дэн Сяопина, базировался на принципе «проявлять скромность и держаться в тени». Сегодня речь идет о новых подходах во внутренней и внешней политике, подтвержденных XIX съездом КПК: радикальной перекройке экономических механизмов роста, переходе к активной, наступательной политике по отстаиванию своих национальных интересов и позиционированию в мире в качестве новой растущей большой державы.

Ключевой идеей съезда стал тезис о «подъеме китайской нации». Китайское национальное возрождение, на наш взгляд, процесс непростой, таящий для самих китайцев и большие возможности, и ряд потенциальных вызовов. Главный вызов — это вовремя отделять рост здорового патриотизма от элементов национализма. Учитывая наличие в ряде западных стран так называемой теории китайской угрозы, руководству КНР придется очень внимательно наблюдать и пресекать возможные негативные настроения.

Китайским руководством достаточно четко сформулированы цели и мотивация развития: к 100-летию юбилею КПК (2021 г.) будет построено общество «среднего достатка», а к 100-летию КНР (2049 г.) — создано богатое, сильное, модернизированное государство. Таким образом, нынешним, пятым поколением руководителей Китая под руководством Председателя Си Цзиньпина будет реализована поставленная сверхзадача — достижение великого возрождения китайской нации².

С другой стороны, КНР объективно сталкивается с различными трудностями внутреннего и внешнего характера, связанными с трансформацией экономики, переходом на новую, инновационную модель развития, сложной борьбой за чистую экологию, за энергоресурсы против демографических диспропорций. На съезде все эти проблемы были озвучены, была дана четкая и ясная стратегия их разрешения.

Развернувшаяся после XIX съезда КПК дискуссия в экспертном сообществе по поводу интерпретации проблемы международной «глобальной ответственности» выявила достаточно широкий спектр мнений и подходов по данной проблеме: от осторожных позиций ряда китайских и российских политологов о преждевременности реализации подобного курса до радикальных подходов — необходимости скорейшего усиления политики продвижения КНР на глобальные позиции и создания более справедливого и рационального мирового порядка.

Материалы XIX съезда КПК содержат некую установку на формирование более активной и «многослойной» китайской дипломатии, развитие отношений с крупными державами (США), странами-соседями (куда входит и Россия) и развивающимися государствами³. На XIX съезде китайское руководство фактически констатировало достижение промежуточного этапа формирования Китая как лидера нового мирового порядка. Были определены временные параметры формирования Китая как великой державы — 2050 год.

Скорее всего, это несколько завышенные сроки. На самом деле КНР уже вошла в большую геополитику и через 10–15 лет (если не произойдет форс-мажорных ситуаций в мире или в самом Китае) выйдет в абсолютные лидеры мирового сообщества. Китайское руководство, отойдя от традиционной стратегии выжидания и осторожности, демонстрирует не только рост активности, но и некие стратегические новации.

На наш взгляд, ряд новейших внешнеполитических инициатив («Один пояс, один путь», взаимодействие с АСЕАН, деятельность в БРИКС и др.) фактически синтезируют геоэкономику и геополитику. Причем китайское руководство, не используя известные (классические) термины и отказываясь называть крупные внешние проекты геополитическими, фактически объединяет сухопутную и морскую геополитику поднимающегося Китая в единый комплекс. Подобный синтез дает возможность КНР маневрировать в широком географическом диапазоне — от евразийского пространства до Латинской Америки, Африки, южных морей и Северного морского пути. Китай вряд ли пойдет на радикальное обновление создавшегося мирового порядка. Но при этом он постепенно и мягко обновляет систему глобального управления — МВФ, ВТО, развивает БРИКС, расширяет ШОС совместно с РФ и пр.

Поставленные XIX съездом задачи превращения страны в ведущее по совокупному и экономическому потенциалу государство означают, что Китай должен будет осуществить крупнейшее в истории перераспределение мирового рынка, намного превосходящее по своим масштабам потрясения, связанные со становлением Японии и Южной Кореи в качестве крупных промышленных держав. Рост японской и южнокорейской промышленности в 1960-е — 1970-е годы привел к разрушению одних крупных отраслей промышленности в Европе и США (например, гражданского судостроения) и к затяжным кризисным явлениям в других. Выход же на подобный уровень развития страны с численностью населения в десять раз большим, чем у Японии, повлечет за собой последствия, которые потенциально могут носить катастрофический характер для старых экономических центров мира. Кроме того, для решения этой задачи Китай, уже превратившийся в крупного экспортера капитала, должен будет превратиться и в крупнейшего мирового инвестора всех секторов экономики для обеспечения расширения доступа своих компаний на мировые рынки.

Наращивание инвестиций, в свою очередь, поставит вопрос об их защите. Накопленные прямые иностранные инвестиции Китая за рубежом, по данным China Investment Tracker, достигли 1,65 трлн долл. по состоянию на начало 2017 г.⁴ Значительная часть этих ресурсов была инвестирована в нестабильные регионы мира, такие, как Африка и Ближний Восток. Инвестиции позволяют Китаю облегчить собственный выход на важные зарубежные рынки, установить контроль над источниками сырья, решать про-

блему избыточных производственных мощностей внутри страны. Защита столь крупной бизнес-империи является нелегкой задачей, и Китай постепенно создает как политические, так и военные возможности для ее решения.

В этих условиях принципиально важным вопросом для России становится характер нынешних отношений двух великих держав — РФ и КНР и перспективы дальнейшего стратегического взаимодействия в мировой политике, экономике и гуманитарной сфере. Суверенитет, безопасность и развитие отражают основные национальные интересы двух стран. Москва и Пекин неоднократно подчеркивали, что они с уважением относятся к праву государств на выбор пути развития и социально-политической системы, и отмечали необходимость мирного урегулирования межгосударственных споров политическими и дипломатическими средствами⁵. Россия поддерживает «политику одного Китая», признавая Тайвань его частью, и занимает схожую позицию в отношении Синьцзяна и Тибета. Россия также настаивает на неприемлемости участия третьих сил в урегулировании споров в Южно-Китайском море.

Стремясь сохранить за собой полный суверенитет в принятии решений, Россия и Китай не являются военно-политическими союзниками. Москва и Пекин действуют в сфере внешней политики самостоятельно, но не в ущерб национальным интересам партнера. Суть таких отношений — углубленная координация политики, выработка согласованной позиции по поводу строительства нового, более эффективного и справедливого миропорядка, укрепления стратегической стабильности, урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций в различных регионах мира. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., совпадение принципиальных подходов России и Китая к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности⁶.

Поддержание глобальной стратегической стабильности и региональной безопасности — обязанность России и Китая как мировых держав и членов Организации Объединенных Наций (ООН). На международном уровне Россия и Китай выступают против незаконного внешнего вмешательства во внутренние дела государств, навязывания социально-экономической системы и политического строя, экстерриториального применения государствами собственного национального права в нарушение международного права, односторонних санкций, выходящих за рамки согласованных в Совете Безопасности ООН и не соответствующих международно-правовым нормам. Россия и Китай содействуют развитию многополярности, выступая против односторонних действий и за укрепление центральной роли ООН в международных делах. Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги. Они осуждают попытки обеления фашизма, милитаризма и иных действий пособников трагедий войны.

Решительное противодействие международному терроризму — стратегический консенсус России и Китая. В обоих государствах совершаются террористические акты, и потому Россия и Китай заявляют о всемерном осуждении терроризма во всех его формах и проявлениях. Перед лицом угрозы «Исламского государства» и «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещены в России) Россия и Китай должны укреплять борьбу против распространения террористических и экстремистских идей, развивать обмен информацией в целях осуществления эффективного антитеррористического сотрудничества для совместного пресечения террористической активности, совместно противодействовать финансированию и материально-технической подпитке терроризма. Россия и Китай выполняют соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН и рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), нацеленные на укрепление режима выявления и пресечения каналов финансирования терро-

ристических группировок. Кроме того, оба государства выступают за начало переговоров на Конференции по разоружению в Женеве о разработке международной Конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма⁷.

А.Н. Карнеев, к.и.н., заместитель директора ИСАА МГУ:

В потоке материалов о съезде и связанных с ним в предстоящие месяцы и годы тенденциях развития Китая многие авторы справедливо отмечают, что этот партийный форум не только номинально провозгласил новый этап развития «социализма с китайской спецификой», но, вероятно, действительно стал своеобразной точкой отсчета нового периода развития КНР.

Одним из самых важных обстоятельств, мимо которого не прошел ни один комментатор, стало укрепление власти Си Цзиньпина, стремительное превращение нынешнего генсека в фигуру, равную по значимости основателю КНР Мао Цзэду и «прорабу китайских реформ» Дэн Сяопину. Почти в открытую в размышлениях партийных публицистов проскальзывает мысль о том, что два предшествующих Си Цзиньпину генсека были «слабыми лидерами». Это дополнительно высвечивает значимость и масштаб руководства с его стороны.

17 ноября 2017 г. агентство Синьхуа опубликовало редакционную статью под названием «Си Цзиньпин: лидер новой эпохи, указывающий путь вперед», в которой впервые в концентрированной форме даются формулировки того, как следует характеризовать роль нынешнего лидера Китая с учетом достижений последних пяти лет.

Несмотря на то что в западных СМИ подобные формулировки критикуются как проявление «риторики времен Мао Цзэдуна» и нарастающего «культа личности Си Цзиньпина», стоит внимательно отнестись к появлению данной статьи. Во-первых, речь, видимо, идет о своеобразном «пробном шаре», проверке реакции общества и политических элит на новую трактовку роли хозяина Чжуннаньхя. Во-вторых, публикация этой статьи позволяет более точно понять некоторые качественные отличия наступившего после XIX съезда КПК нового пятилетнего периода развития партии и государства.

В статье дается характеристика Си Цзиньпина как лидера, находящегося в самом центре эпохальных перемен, «рулевого», ведущего корабль Китая к осуществлению «великой мечты». Отмечается, что Си — это ключевой лидер «великой борьбы», которую ведет партия против коррупции и разложения в своих рядах. Подтверждением этого стало якобы ниспровержение «неприкасаемых», руководителей самого высшего эшелона, таких, как Чжоу Юнкан, Бо Силай, Го Босюн, Сюй Цайхоу, Лин Цихуа. Из числа избранных на XVIII съезде членов и кандидатов в члены ЦК КПК 43 человека за время, прошедшее после него, стали субъектами антикоррупционных расследований.

Си назван в статье «слугой народа», не покладаящим рук в труде для счастья китайских граждан, который поклялся к 2020 г. «вытащить из бедности» последние 40 млн китайцев. Эта цель названа беспрецедентной в мировой истории и главным вкладом Китая в мировое развитие.

Следующий тезис статьи — беспрецедентные по масштабу реформы, главным стратегом которых выступает Си Цзиньпин. Реформы и открытость названы «ключом к определению судьбы Китая».

Указано, что Си Цзиньпин — главнокомандующий перестройки армии и национальной обороны. Выдвинутые цели в этой области предполагают «совершить скачок» — из страны с огромной армией превратиться в могучую военную державу.

Отмечены успехи внешней политики Китая. На международной арене Си выступает как авторитетный «лидер великой державы», ратующий за справедливый мировой

порядок и укрепление глобальной управляемости на основе разумных компромиссов и учета взаимных интересов.

Наконец, на основании того, что «идеи Си Цзиньпина о новой эре социализма с китайской спецификой» записаны теперь в уставе партии, делается вывод об осуществлении нового теоретического прорыва в теории марксизма и в процессе китаизации марксизма. Си Цзиньпин — «генеральный конструктор строительства в новую эпоху».

Статья завершается выводом о том, что Си Цзиньпин ведет Китай вперед в новую эпоху социализма с китайской спецификой, и эта эпоха одновременно является периодом, когда весь мир оказался на распутье в поисках новых путей и источников развития.

На данном этапе пока сложно сделать вывод о том, означают ли новые нюансы в официальной титулатуре китайского руководителя движение в сторону отхода от принципов коллегиальности или речь идет о необходимости в условиях нарастания всяческих трудностей и вызовов мобилизовать и сконцентрировать в одних руках необходимые ресурсы для решительного продвижения вперед нового этапа реформ.

Еще одна особенность — акцент на усилении борьбы с различными неблагоприятными для КПК тенденциями в идейно-политической и информационной сфере. Не секрет, что весь первый срок нахождения Си и его соратников во власти характеризовался довольно заметным ужесточением контроля за идеологической сферой, получившей определенное пространство для развития, особенно в годы Ху Цзиньтао. После прихода к власти в 2012 г. «пятого поколения» китайских руководителей последовала некоторая «подморозка» идеологической сферы: ограничениям подверглись силы, выступающие за дальнейшую либерализацию политической атмосферы, и группы публицистов и политических активистов, отстаивающие «левую перспективу» развития. В частности, перед XIX съездом КПК были введены более широкие ограничительные меры в отношении разных информационных ресурсов, против независимых блогеров и других критиков правительства, практически «зачистившие поляну» от возможных проявлений критики текущей администрации с любых идейных направлений. В представлении многих людей ограничения, введенные в предшествовавший съезду период, после съезда должны ослабнуть. По крайней мере, такой алгоритм (периодическое ужесточение — ослабление ограничительных мер) стал во многом привычным для китайской образованной публики. Но эти ожидания части китайских интеллектуалов могут не оправдаться на практике.

Обращает на себя внимание заявление в газете «Жэньминь жибао» недавно назначенного руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмина, предсказавшего на обозримую перспективу интенсификацию противоборства между так называемыми базовыми социалистическими ценностями, которые продолжает отстаивать руководство партии, и пресловутыми «универсальными ценностями», которые, по утверждению официоза, навязывают Китаю западные страны с целью подчинить его своему влиянию.

Другой аспект проблемы — подверженность влиянию «универсальных ценностей» не только представителей китайской интеллигенции, но и части китайского истеблишмента. В выступлении в середине ноября Чэнь Си, занявшего после съезда пост руководителя Орготдела ЦК, содержится предупреждение о том, что многими руководящими кадрами овладели «ложные идеи», в то время как влияние марксизма-ленинизма ослабевает. В итоге многие кадровые работники стали уязвимы перед лицом соблазнов морального плана (коррупция, карьеризм, групповщина и фракционность). Более того, веру в Маркса и Энгельса многим из них заменила циничная погоня за властью или личной выгодой, а также вера в мистику, паранормальные способности или традиционные китайские религиозные практики.

Складывается ощущение, что фундаментализм Си Цзиньпина, проявляющийся в четко обозначенном призыве «не забывать о тех принципах, с которыми коммунисты

брали власть в стране», и причудливым образом сочетающийся со вполне либерально ориентированной повесткой дня в области экономических реформ, проявит себя в сфере идеологической работы новыми установками и инициативами, а ожидающим поворота к «универсальным ценностям» китайским интеллектуалам придется «сложить свои надежды в долгий ящик».

Спустя неделю после завершения XIX съезда КПК состоялось важное действо, призванное подчеркнуть неизменность конечных целей Коммунистической партии Китая. В сопровождении всех членов Постоянного комитета Политбюро ЦК генсек Си Цзиньпин прибыл в Шанхай для посещения дома-музея I съезда КПК.

Посещение важных для истории китайской революции объектов, таких, как этот шанхайский музей, Яньань, Сибайпо, Цзуньи и других — важная часть партийной традиции. Члены Постоянного комитета Политбюро вслед за Си повторили клятву каждого, вступающего в партию, причем любопытно, что Си произносил ее по памяти. «Запомнить наизусть клятву вступающего в партию несложно, — сказал он, выступая с речью в тот день. — Сложно всю жизнь сохранить преданность тем идеям, с которыми человек вступал в партию».

Наверное, в этих словах и кроется ответ на вопрос о том, зачем Си Цзиньпину, который стал генсеком уже 5 лет назад, нужно было снова посещать «красную Мекку» в Шанхае. Беспрецедентный характер этого действия объясняется, с одной стороны, личностью и характером нынешнего генсека, который воспринимается партийцами как олицетворение и символ новой эпохи — «новой эры социализма с китайской спецификой». А с другой — тем, что в руководстве партии, видимо, не снижается озабоченность неблагоприятными тенденциями в партийной среде: бюрократизация, размывание партийной идеологии, утрата высоких идеалов, карьеризм и групповщина, стремление к материальным выгодам, «прагматизм» и отрыв от нужд и чаяний простых людей.

Именно с этими явлениями вел борьбу Си Цзиньпин последние пять лет в ходе беспрецедентной по масштабу антикоррупционной кампании, получившей довольно сильную поддержку по стороны простых китайцев. На съезде эту борьбу объявили важнейшим достижением этого периода.

Обозреватели обратили внимание, что несмотря на масштабные ограничительные меры властей, стремящихся положить конец нарастающей поляризации китайского социума и публичного пространства, критикующие политику властей как слева, так и справа идеологические лагеря продолжают существовать и периодически напоминать о себе. Одним из таких вызовов для властей является участие части населения в не поощряемых сверху мероприятиях памяти Мао Цзэдуна. В некоторых интернет-изданиях леворадикального характера, например, обсуждается вопрос, насколько реальна в современном Китае революция против эксплуататорских классов, выразителем интересов которых якобы является КПК. Так, в статье на сайте «Красный Китай», озаглавленной «Продолжить упорную борьбу, выступая против пораженчества», отмечается, что в настоящий момент среди «молодых товарищей распространена «концепция китайского империализма», в свете которой господство буржуазии в стране «необычайно сильно». Она не боится ни китайского рабочего класса, ни мелкой буржуазии, во внешней политике практикует методы гегемонизма и диктата. «Есть также некоторые товарищи, которые считают, что проведенный правящей партией китайской буржуазии так называемый XIX съезд продемонстрировал стабилизацию положения китайской буржуазии, господство которой теперь вряд ли можно будет поколебать в ближайшие годы»⁸.

Значительное место на съезде и в уходящем году в целом заняли вопросы «совершенствования способности к управлению», укрепления руководящей роли КПК в обществе. На протяжении последних нескольких лет высшее китайское руководство посто-

янно подчеркивало необходимость усиления идеологического контроля и укрепления «способности руководить» процессами в мировоззренческой области, включая такие важные сферы, как «информационная безопасность» и идеологическая борьба в Интернете. Любопытно, что на съезде и после него была выдвинута для общественных обсуждений проблематика так называемого китайского проекта — реинкарнация темы «китайской модели», дискуссия о которой активно велась в КНР с 2009 по 2012 г.

А.В. Ломанов, д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН:

Особенностью XIX съезда КПК стало включение в доклад большого количества формулировок, которые были предложены Си Цзиньпином за пять лет пребывания у власти, и внешнеполитическая тематика не стала исключением. Ко времени съезда сложился устойчивый набор концепций, отражающих взгляды нынешнего китайского руководства на отношения с внешним миром («новый тип международных отношений», «новый тип отношений между большими государствами», «сообщество судьбы человечества», «правильный взгляд на долг и выгоду» и т.д.). В докладе на съезде им был придан систематизированный облик.

В экономическом подразделе доклада упомянуто строительство «Одного пояса, одного пути», ставшего ключевой внешнеэкономической и внешнеполитической инициативой Си Цзиньпина. Хотя со времени провозглашения в 2013 г. эта инициатива обрела многоплановый и комплексный характер, включение ее в данный подраздел указывает на важность экономических аспектов «пояса и пути».

Наиболее примечательным является присутствие в экономическом подразделе фразы об «активном продвижении строительства островных рифов в Южно-Китайском море», которое не раз вызывало критику со стороны других государств и становилось причиной обострения отношений с соседями. США использовали эту деятельность КНР как предлог для усиления собственного военного присутствия в регионе под видом «защиты свободы судоходства». Включение этой темы в экономический подраздел отражает стремление китайского руководства заявить о невоенном характере проводившихся работ.

В дипломатическом подразделе доклада было заявлено об осуществлении в минувшие пять лет «всестороннего продвижения дипломатии большого государства с китайской спецификой». Эта формулировка также принадлежит Си Цзиньпину, который впервые озвучил ее в ноябре 2014 г.

Далее следует утверждение, что за прошедшие годы Китаю удалось сформировать «всенаправленную», «многослойную» и «объемную» дипломатию. Этот набор характеристик является новым, и можно предположить, что после съезда он обретет нормативный характер при описании китайской внешней политики.

В дипломатическом подразделе также содержатся упоминания о конкретных инициативах, о созданных при участии китайской стороны международных структурах и о проведенных в Китае международных мероприятиях высокого уровня.

На первом месте находится заявление о том, что Китай осуществлял «совместное строительство “Одного пояса, одного пути”». Понятие «совместное строительство» является отсылкой к нормативной формулировке китайского подхода к глобальному управлению, указывающей на необходимость «совместного обсуждения» правил всеми участниками проекта, «совместного строительства» в соответствии с согласованными правилами и «совместного использования» достигнутых общими усилиями результатов. В контексте современной международной политики Китай противопоставляет этот подход позиции Запада, который, по мнению китайской стороны, разработал в прошлом правила глобального управления в собственных интересах и теперь не желает считаться

с мнением развивающихся и новых индустриальных стран, заинтересованных в модификации существующих правил.

В докладе говорится, что за минувшие пять лет по китайской инициативе были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. С предложением о создании АБИИ Си Цзиньпин выступил в октябре 2013 года. Фонд был учрежден в конце 2014 г. для поддержки проектов в рамках инициативы «пояса и пути». Среди международных мероприятий названы первый Форум высокого уровня «пояса и пути» (Пекин, май 2017 г.), встреча лидеров АТЭС (Пекин, ноябрь 2014 г.), саммит «Большой двадцатки» (Ханчжоу, сентябрь 2016 г.), встреча лидеров БРИКС (Сямэнь, сентябрь 2017 г.), саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай, май 2014 г.)

Помимо конкретных событий упомянуты две важные программные инициативы, характеризующие период правления Си Цзиньпина — «строительство сообщества судьбы человечества» и продвижение реформы системы глобального управления.

Си Цзиньпин неоднократно выступал с идеей создания «сообществ судьбы» различного уровня. В китайской трактовке эти «сообщества» могут носить также региональный и трансрегиональный характер, однако высшей главной целью выступает создание «сообщества судьбы человечества». В основе этих концепций — акцент на равноправии и проведении совместных консультаций для выработки правил взаимодействия. Стремление к инклюзивным и открытым партнерским отношениям опирается на признание многообразия культур и путей развития. Китайская трактовка «сообщества судьбы» нацелена на создание механизмов сотрудничества, предполагающих общую ответственность. Создание «сообщества судьбы человечества» связано с двумя другими новыми китайскими концепциями — построением «международных отношений нового типа» и «правильным взглядом на долг и выгоду».

За годы правления Си Цзиньпина Китай окончательно преодолел прежнюю настороженность по отношению к заимствованной из западной политологии концепции «глобального управления». В прошлом китайские эксперты относились к ней с опаской, воспринимая глобальное управление как требование делегировать полномочия суверенных государств наднациональным органам, которые могли бы осуществлять в интересах Запада вмешательство во внутренние дела развивающихся стран, включая Китай. Однако по мере роста экономики заметно выросла заинтересованность Китая в обретении рычагов воздействия на разработку правил глобального экономического управления, прежде всего ради устранения препятствий в области международной торговли и инвестиций.

В идейно-теоретической части доклада излагается основное содержание «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой». В итоговой резолюции XIX съезда КПК и новой версии устава КПК эти идеи обрели персонифицированный характер. «Идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» вошли в теоретический арсенал КПК наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, «важными идеями тройного представительства» и «научным взглядом на развитие».

Среди перечисленных в докладе восьми характеристик «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» содержится требование, согласно которому «дипломатия большого государства с китайской спецификой призвана продвигать строительство международных отношений нового типа, продвигать строительство сообщества судьбы человечества».

Идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш», Си Цзиньпин сформулировал в марте 2013 г. в ходе визита в Москву во время выступления в МГИМО. Он подчеркнул, что мир, развитие, сотрудничество и общий выигрыш стали основным лейтмотивом нашего

времени. Старая колониальная система распалась, противостоящих группировок времен холодной войны больше нет, ни одна страна или группа стран не может в одиночку управлять мировыми делами. Си отверг стремление Запада вершить судьбы всего человечества, подчеркнув равенство больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных стран.

Ключевой характеристикой внешнеполитического аспекта «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» в докладе стало «строительство сообщества судьбы». Было заявлено, что «мечта китайского народа взаимосвязана с мечтами народов всех стран, осуществление китайской мечты неотрывно от мирной международной обстановки и стабильного международного порядка».

«Китайская мечта» стала новым лозунгом, который Си Цзиньпин сформулировал в 2012 г., вскоре после прихода к власти. В первые годы его правления «китайская мечта» занимала доминирующее место в системе пропаганды официальной идеологии. Хотя призыв к осуществлению мечты о «великом возрождении китайской нации» адресован внутренней аудитории, с самого начала он обладал внешнеполитическим измерением. Китайская сторона неустанно подчеркивала, что осуществление «мечты о возрождении» не угрожает внешнему миру. Напротив, превращение Китая в сильное и богатое государство принесет существенные выгоды всему человечеству, поскольку Китай сможет брать на себя больше ответственности перед мировым сообществом и вносить более заметный вклад в глобальное развитие.

Описание характеристик движения к созданию «сообщества судьбы человечества» в контексте изложения «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» состоит из старых и новых концепций, что указывает на сочетание во внешнеполитических взглядах китайского руководства инновации и преемственности. В частности, речь идет о следовании по пути мира и развития, о нацеленной на взаимную выгоду и общий выигрыш стратегии открытости, о правильном взгляде на долг и выгоду, о новом взгляде на безопасность, об инновационности и инклюзивности, о продвижении обменов между цивилизациями и внимании к охране окружающей среды.

Было подчеркнуто, что Китай от начала и до конца будет выступать как строитель мира во всем мире, будет вносить вклад в глобальное развитие и действовать как «защитник международного порядка». Последнее направлено против распространенных в зарубежном экспертном сообществе рассуждений о стремлении Китая расшатать или вовсе ликвидировать современный мировой порядок. Вместе с тем это не означает согласия Китая со всеми аспектами нынешнего миропорядка. Китайский тезис о необходимости реформирования глобальных правил с учетом интересов развивающихся стран остается в силе.

Развернутое изложение китайских подходов к международной политике содержится в разделе 12 доклада «Придерживаться пути мира и развития, продвигать создание сообщества судьбы человечества», который начинается с заявления о том, что КПК думает не только о счастье китайского народа, а борется за прогресс всего человечества и считает своей исторической миссией более значительный вклад в его дела. Подобная постановка вопроса является новой, поскольку в докладах на предыдущих съездах роль партии в международной политике столь явно не подчеркивали. В период правления Си Цзиньпина курс на повсеместное утверждение руководящей роли КПК затронул и сферу международных отношений.

В разделе появилась расширенная характеристика содержания «международных отношений нового типа». Изначальная формулировка, которую Си Цзиньпин предложил в 2013 г., подчеркивала, что это отношения «сотрудничества и взаимного выигрыша». В докладе на съезде это определение было сохранено, но к нему добавили «взаимное уважение, равенство и справедливость».

Характеристика современной эпохи в основном наследует описания, представленные на предыдущих партийных съездах в 2007 и 2012 г. Новым стало упоминание о том, что «ускоряется изменение глобального управления и мирового порядка».

Среди современных элементов нестабильности и неопределенности были перечислены недостаточность движущих сил роста мировой экономики, увеличение разрыва бедности и богатства, появление региональных «горячих точек», терроризм, киберпреступления, опасные инфекционные заболевания, климатические изменения. Важно отметить, что здесь не было повторения упоминаний о «гегемонизме» и «неоинтервенционизме», присутствовавших в докладе на предыдущем съезде. Их исчезновение из документа можно интерпретировать как рост уверенности Китая в своих силах и стремление выстроить равноправные отношения с Западом, прежде всего с США. Особенно заметно отсутствие неизменного в прежние годы осуждения «гегемонизма». Вместе с тем в докладе был сохранен акцент на осуждение силовой политики.

В контексте поворота ведущих западных стран к политике изоляционизма следует обратить внимание на фразу: «Ни одна страна не может в одиночку справиться со стоящими перед человечеством вызовами, также ни одна страна не может отступить обратно на остров самоизоляции». В этом можно увидеть не только напоминание о китайской приверженности стратегии коллективных действий, но и завуалированную критическую оценку западной политики, в том числе политики американского президента Д. Трампа.

Китайская интерпретация «нового пути» в отношениях между государствами предполагает отказ от «менталитета холодной войны» и «силовой политики», проведение диалога без конфронтации и формирование партнерств без заключения союзов. В документе подтверждены приверженность Китая решению проблем путем диалога и осуждение терроризма во всех проявлениях. Выражено стремление направить экономическую глобализацию по пути увеличения открытости, инклюзивности, сбалансированности и способности приносить выгоды всем участникам. Присутствуют тезисы о важности многообразия человеческих цивилизаций и необходимости проведения диалога между цивилизациями, а также о совместных усилиях по защите окружающей среды и борьбе с климатическими изменениями.

В докладе сформулированы программные лозунги, которые получили в китайской комментаторской литературе обобщенные наименования «три против», «два решительно нет» и «два никогда». Они описывают подходы Китая к международной политике. «Три против» означают, что Китай выступает против навязывания другим собственной воли, против вмешательства во внутренние дела других стран и против притеснения слабых сильными. «Два решительно нет» подчеркивают, что Китай решительно не будет добиваться собственного развития ценой принесения в жертву интересов других стран, но также решительно не станет отказываться от своих законных прав и интересов. «Два никогда» провозглашают, что, вне зависимости от достигнутого уровня развития, Китай никогда не провозгласит себя гегемоном и никогда не прибегнет к экспансии.

Традиционная для прежних съездов схема, в которой выделяли отношения Китая с развитыми странами, с соседями и с развивающимися странами, была модифицирована и конкретизирована. На первое место была вынесена тема отношений с «большими государствами», указывающая на проблематику китайско-американских отношений. В этой сфере предполагается развивать скоординированные отношения сотрудничества, которые должны быть устойчивыми и сбалансированными. Исчезновение темы отношений с развитыми странами может выступать как косвенное указание на то, что по ряду направлений Китай уже не считает себя отсталой страной.

Следующие два компонента остались неизменными, но получили новые характеристики, которые были позаимствованы из внешнеполитических выступлений Си

Цзиньпина. В отношении сопредельных государств была заявлена политика, основанная на идеях «близости, искренности, взаимной выгоды, инклюзивности», провозглашенных китайским лидером в 2013 году. Применительно к развивающимся странам была подтверждена формула Си Цзиньпина «правдивость, реалистичность, близость, искренность» в сочетании с приверженностью «правильному взгляду на долг и выгоду».

Заявление о приверженности Китая политике открытости внешнему миру сочеталось с упоминанием необходимости продвижения международного сотрудничества по строительству «пояса и пути». В докладе воспроизведены относящиеся к этому проекту «пять соединений» (координация политики, взаимосвязь инфраструктуры, торговое взаимодействие, движение капитала, «соединение людских сердец») как путь к созданию новых площадок международного сотрудничества и новым импульсам совместного развития. Также было сказано о намерении Китая расширить оказание помощи слаборазвитым странам и добиваться сокращения разрыва в уровнях развития Юга и Севера.

В докладе заявлено о приверженности Китая демократизации международных отношений, о равенстве всех стран, о стремлении повышать роль ООН, о желании расширять представительство и «право слова» развивающихся стран в международных делах. Новыми стали формулировки, относящиеся к глобальному управлению. Было подчеркнуто, что китайский подход к нему основан на «совместном обсуждении, совместном созидании и совместном использовании». В качестве большого ответственного государства Китай намерен активно участвовать в «реформировании и строительстве» системы глобального управления. Эти высказывания указывают на изменение оценки Китаем собственной роли в мировом сообществе и на стремление стать равноправным участником процесса разработки новых правил.

В 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК было указано на желание Китая способствовать повышению роли в международных делах не только ООН, но «Большой двадцатки», ШОС и стран БРИКС. В 2017 г. в аналогичном разделе текста осталась лишь ООН. Упоминания о «Большой двадцатке» и БРИКС на этот раз присутствуют в связи с проводившимися в Китае международными мероприятиями. ШОС в докладе на XIX съезде вообще не упоминается.

Доклад ЦК на XIX съезде КПК отразил большие перемены в развитии Китая и окружающего мира. Китай становится глобальной державой, которая формулирует свою политику исходя из того, что ее влияние на мировое развитие будет становиться все более значительным. Для внешнего мира наибольший интерес представляет изложение в докладе Си Цзиньпина «сообщества судьбы человечества» как стержневой концепции новой китайской внешней политики. Помимо этого, в докладе была подтверждена приверженность Китая реализации инициативы строительства «Одного пояса, одного пути». В перспективе эта инициатива способна оживить экономическое развитие большого количества стран, активизировать их взаимодействие в политике и культуре.

Е.И.Сафронова, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН:

По итогам XIX съезда КПК ряд российских экспертов высказал мнение о том, что китайская концепция «сообщества единой судьбы» так и не получила конкретного описания и остается малопонятной для большинства представителей мировой политологии.

Доклад Си Цзиньпина XIX съезду КПК содержал призыв «продолжать стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ)», поскольку осуществление китайской мечты невозможно без мирной внешней обстановки и стабильного международного порядка, а КПК видит свою миссию во внесении еще более весомого вклада в развитие человечества.

Сообщество единой судьбы человечества описывается в докладе как «чистый и прекрасный мир, где царят долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность», а также соблюдаются принципы взаимоуважения, равноправия, диалога, консультативности, отказа от менталитета холодной войны и политики силы, неконфронтационности и неблоковости партнерства, уважения цивилизационного многообразия мира, дружественного отношения к окружающей среде. В мирохозяйственном плане смысл СЕСЧ связывается с либерализацией торговли и инвестиций, развитием экономической глобализации в направлении большей открытости, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша.

Представляется, что концепция «сообщества единой судьбы» (СЕС) отнюдь не так «сыра», как это может показаться, и к прошедшему в октябре XIX съезду КПК она пришла уже во вполне апробированном виде.

Ее смысловые предвестники прозвучали еще в 2012 г. в докладе ЦК КПК XVIII съезду китайской компартии: «У человечества только одна планета — Земля, все страны сосуществуют в едином мире... Стимулирование создания гармоничного мира на Земле с прочным миром и общим процветанием — общее чаяние народов всех стран». В документе «сотрудничество и взаимный выигрыш» расценивались как путь «осознания общности судеб человечества». Доклад содержал призыв к странам мира «помогать друг другу в общем деле, вместе пользоваться правами и нести ответственность, ширить общие интересы человечества».

Впервые китайский взгляд на будущее человечества как сообщества единой судьбы был, как известно, озвучен в лекции Си Цзиньпина в МГИМО (март 2013 г.) Китайский лидер подчеркнул, что взаимосвязанность и взаимозависимость всех стран достигла беспрецедентного уровня: люди живут «в одной большой глобальной деревне», в одну эпоху и на одном пространстве, где сливаются история и реальность, «превращая нас в сообщество единой судьбы», в котором все влияют друг на друга.

18 мая 2015 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья, подписанная «Го Ципин», — «Обещание лучшего будущего для мира», в которой концепция СЕС была окрашена в политологические тона. В статье указывалось, что генеральный послыл идеи базируется на стремлении Китая к глобальному миру и развитию всего человечества и что, предлагая идею «сообщества единой судьбы» для стран, регионов и всего человечества, КНР выдвигает собственную стратегию сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, преодолевающую «ограничения национального и идеологического свойства». Статья призывала страны мира вести диалог, а не вступать в конфронтацию, быть партнерами, но не союзниками, добавляя, что прогресс отдельных стран должен дополнять развитие других и таким образом раскрывать большие возможности для противостояния мирохозяйственным вызовам (союзнические отношения в статье не приветствовались, по всей видимости, потому, что они ассоциируются с блоковым мышлением времен холодной войны).

Призывая к цивилизованному диалогу, основанному на принципе равенства и взаимном уважении, статья подчеркивала, что «сообщество единой судьбы» — это обещание Китая не строить свое развитие в ущерб интересам других стран и что выдвинутая концепция служит противовесом идее о «выживании наиболее приспособленных» (имелся в виду «золотой миллиард»).

В последующие годы на международном уровне Си Цзиньпин неоднократно детализировал понятие СЕС, приводя такое его определение, как «тесное сообщество, где все взаимосвязаны», и отмечая, что «во Вселенной есть только одна Земля, и мы, человечество, имеем только одну родину».

Все это свидетельствует о намерении Китая путем ярких теоретических построений и активной «лозунговой» дипломатии расширить свое влияние на процессы регионализации и глобального управления не просто на институциональном, но и на духовном уровне.

Примечательно, что вскоре после XVIII съезда КПК, озвучившего первые идеи для концепции СЕС, поиски китайских экспертов по теме «единая судьба человечества» были продолжены, причем в сфере изыскания нового свода универсальных ценностей. В статье Ван Ивэя, опубликованной 14 января 2013 г. в «Жэньминь жибао», была подвергнута сомнению пригодность текущих «общечеловеческих ценностей», поскольку они-де являются «лишь преломлением универсальных ценностей через призму западной культуры». Утверждалось, что мечтой западной цивилизации является торжество общечеловеческих ценностей в ее собственном понимании, а мечтой китайской цивилизации остается «великое единение» (*да тун*). Особый акцент получила мысль о востребованности миром именно китайских ценностей, ибо «в них общечеловеческие ценности нашли свое полное выражение».

Согласно статье, основной посыл мирного развития Китая основан на триединстве следующих элементов: обретении Китаем величия, возрождении его нации и переходе (мировой) цивилизации на новый уровень. Под последним подразумевается создание на основе китайских ценностей системы, подходящей всему мировому сообществу, а также строя такой материальной и духовной культуры, который, взяв начало в Китае, будет служить на благо всех стран и станет плодом совместных усилий всех государств и народов.

Автор, опираясь на положения XVIII съезда КПК, в многоуровневом разрезе перечислил основные ценности китайской мировоззренческой модели. На уровне личности — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие. На семейном уровне — свобода, равенство, справедливость, законность. На уровне государства — стремление к зажиточности и могуществу, демократии, цивилизованности и гармонии. Эксперт представил и китайский/незападный взгляд на основную общечеловеческую ценность, которая формулируется им как «мир повсюду под Небесами». Он подчеркнул, что именно в рамках такой системы ценностей — «общей для всего человечества, и будет формироваться Китай наших дней».

Отталкиваясь от мнения Ван Ивэя, можно сказать, что путь создания СЕС складывается из трех порой противоречивых «дорожек»: во-первых, это движение «навстречу всему миру» через возвращение к лучшим образцам исконной китайской культуры и при этом — через творческое развитие проникших в китайскую цивилизацию элементов западной культуры. Во-вторых, создание «системы настоящих ценностей» путем «вобрания в себя» западной цивилизации и отказа от мифа об «общечеловеческих ценностях» в западном понимании. В-третьих, формирование Китаем новой общечеловеческой цивилизации, когда он, став кормчим новой постзападной эпохи, создаст предпосылки для «вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого».

Надо сказать, что политически статья проходит по «лезвию бритвы», ибо в ней весьма смело и даже резко прорисовано намерение Китая стать флагманом новой цивилизации и сформировать ее согласно собственным представлениям. Возникает вопрос о преждевременности таких заявлений как в плане состоятельности их материально-экономической базы (Китай — хоть и крупнейшая в мире, но все еще развивающаяся страна), так и в дипломатическом отношении. В мире отнюдь не изжиты опасения перед «китайской угрозой» и далеко не все страны благосклонно оценивают перспективу стать частью возглавляемой Китаем глобальной цивилизации.

Однако при этом статья предельно честна: она не маскирует намерения Китая стать мировым лидером, еще раз подтверждая, что «сообщество (человечество) единой судьбы» должно стать плодом и воплощением именно китайских стремлений к мировому первенству.

Особо подробным и «вызревшим» изложением концепции «сообщества единой судьбы» стало выступление Си Цзиньпина в рамках 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. В нем китайский лидер перечислил общечеловеческие ценности, которые «совпадают с благородными целями ООН и разделяются всем человечеством»: мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода. Этим высший руководитель КНР, по сути, признал существование универсальных ценностей как таковых (и западных, и незападных), опровергая мнение ряда западных экспертов о том, что КНР «отрицает существование универсальных ценностей», а также и китайских политологов, о чем говорилось выше.

Далее Председатель КНР назвал задачи, которые следует выполнить, дабы достичь генеральной цели — создания СЕС. Формулировки этих задач можно рассматривать и как описание конкретных характеристик «сообщества единой судьбы».

Итак, для создания СЕС первым делом необходимо:

- Установить партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, проводить взаимные консультации, соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других государств и отстаивать право всех стран самостоятельно выбирать общественный строй и путь развития.

- Придерживаться принципа многосторонности отношений и отвергать односторонние (видимо, не поддержанные ООН) действия.

- Отказавшись от мышления эпохи холодной войны, создать систему общей безопасности, основой которой станут справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода, ибо ни одна страна не может самостоятельно обеспечить себе абсолютную безопасность и ни одна страна не в состоянии добиться стабильности за счет нестабильности других.

- Стремиться к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, осознавая, что растущая разница между бедными и богатыми несправедлива и неприемлема. При этом важно формировать синергию сил рынка и действий правительства, добиваясь равенства и справедливости, а также того, чтобы никто не страдал от нужды, но каждый имел доступ к развитию и достойной жизни. (Это положение «приложимо» к условиям одной страны, нескольких стран и всего мирового сообщества.)

- Нарастивать всеобъемлющие межцивилизационные обмены на принципах взаимного уважения, равноправия, взаимозаимствования и гармоничного сосуществования. Многообразие человеческих цивилизаций способствует обменам, которые ведут к интеграции, а интеграция открывает новые возможности для прогресса, ускоряя развитие общечеловеческой цивилизации.

- Объединить усилия в деле создания глобальной экологической цивилизации, при которой превыше всего ставится природа и экологически чистое развитие.

Свод изложенных в выступлении Си Цзиньпина положений, отражающих не просто взгляд на направления создания «Сообщества», но и его отличительные черты, получил название «пять в одном».

В концентрированном виде этот квинтет излагается и поясняется так:

1. Поддержание международных отношений на основе равенства, взаимопонимания и партнерства, что названо «главным путем строительства сообщества единой судьбы».

2. Соблюдение принципов справедливости правосудия, совместного строительства и использования структуры безопасности. Это рассматривается как «гарантии для создания СЕС».

3. Развитие на основе открытости и инноваций, инклюзивности и взаимовыгодности, что «соответствует основным принципам единой судьбы» и служит благу всех.

4. При сохранении верности своим принципам повышение взаимовыгодности сотрудничества и осуществление всеобъемлющих культурных обменов, ибо только так «можно закрепить становление сообщества единой судьбы».

5. Создание «зеленой» экосистемы, поскольку только в ее условиях возможно достичь устойчивости развития сообщества с единой судьбой.

Похоже, что свод «пять в одном» являет собой яркий пример инновационного подхода с китайской спецификой к теории международных отношений.

Практическое формирование СЕС, по мнению китайской стороны, должно начинаться со стран, расположенных по периметру КНР. Так, на Боаоском Форуме 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул намерение «твердо продвигать идею сообщества единой судьбы». Далее он выступил с речью в индонезийском парламенте, где выдвинул пять инициатив по созданию «сообщества единой судьбы» Китая и АСЕАН. А тема Форума Боао 2015 г., не без влияния КНР, была определена как «Новое будущее Азии: навстречу сообществу единой судьбы». Кроме того, Си Цзиньпин указывал и на конструктивность создания и реализации «мечты Азиатско-Тихоокеанского региона».

Новейшим изложением концепции «Сообщества» стала речь Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г., где идея СЕС была конкретизирована формулой «мир общего процветания, созданный путем взаимовыгодного сотрудничества».

«Новеллой» стало включение в описание устоев СЕС тезиса о неприятии «господства одной или нескольких стран» и упор на кардинальную важность для «Сообщества» демократизации международных отношений, когда все страны участвуют в глобальном управлении, определяют будущее мира, устанавливают международные правила, обеспечивая «распределение результатов развития между всеми».

Также примечательна решительность призыва к отказу от конфронтационного блокового подхода в партнерских отношениях, к полному уничтожению ядерного оружия и к формированию открытой мировой экономики, свободной от негативных последствий протекционизма.

Симптоматично, что, радуя за «здоровый» рост глобализации по пути к ее открытости, всеобъемлемости, сбалансированности и выгоды для всех, Си по сути внес в концепцию СЕС материальную конкретику, подчеркнутую призывом следовать экологичному, низкоуглеродному, возобновляемому и устойчивому образу жизни и производства.

Строительство СЕС уже получает конкретное наполнение, к которому Пекин относит очень многие свои международные экономические инициативы. В этом контексте упоминается режим сотрудничества в бассейне р. Ланьцанцзян (Меконг), в рамках которого были определены 45 проектов. В Африке — предоставление Китаем многомиллиардной финансовой поддержки и строительство современной транспортной инфраструктуры, в Латинской Америке — реализация Плана сотрудничества «Китай — Латинская Америка» на 2015–2019 гг., в арабском мире — сотрудничество в сфере энергетики, инфраструктуры, торговли и инвестиций, в области ядерной энергетики и новых видов энергии и сооружения спутников особого назначения. В этом ряду также называются учреждение Фонда поддержки сотрудничества «Юг-Юг», реализация инициативы «Пояс и путь» с ее субпроектами — ЭПШП и МШП-21, а также создание АБИИ.

По всей видимости, формирование сообщества единой судьбы подразумевает три стадии или уровня: национальный, региональный (или межрегиональный) и глобаль-

ный. Вышеуказанный свод «пять в одном» вполне применим для национального строительства внутри самого Китая, поскольку подразумевает создание СЕС для всех народностей, регионов и экономических зон КНР. То же самое можно сказать и о региональном уровне: в китайской прессе уже проходила мысль, что БРИКС, например, способна представлять собой сообщество единой судьбы регионально-организационного уровня. Когда говорится о СЕС глобального масштаба, то тут видится более уместным перевод китайского термина «*жэньлэй минъюнь гунтунти*» не как СЕСЧ, а как «человечество единой судьбы». Принципы всех трех уровней аналогичны, отличаясь лишь диапазоном применения и некоторыми акцентами в расстановке приоритетов.

В пользу определенной зрелости и понятийной доступности концепции «сообщества единой судьбы» говорит ее выход на зарубежный уровень. Свидетельством международного признания стало включение понятия СЕС в резолюцию, принятую в феврале 2017 г. на 55-й сессии Комиссии социального развития (КСР) ООН. Позже эта резолюция была представлена в качестве рекомендаций Экономическому и Социальному Совету ООН (ЭКОСОС). Применительно к Африке резолюция призывает международное сообщество усилить поддержку развитию «в духе взаимовыгодного сотрудничества и создания общего будущего, основанного на общей судьбе».

Следует, однако, отметить, что мировое сообщество не склонно, в отличие от Пекина, поэтизировать концепцию СЕС, предпочитая выделять ее очевидные и достижимые черты. Так, Филипп Шарват, председатель 55-й сессии КСР ООН видит главный смысл концепции в признании взаимосвязанности всех стран на земле. Он также отмечает ее долгосрочный характер. А Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш усматривает суть идеи в утверждении принципа мультилатерализма/многосторонности, важной опорой которого становится Китай. Выражая намерение ООН сотрудничать с КНР в деле мира и развития человечества и создания сообщества единой судьбы, генсек ООН по сути увязывает понятие СЕС со стремлением к всеобщему экономическому процветанию.

Строго говоря, Китай не был первым в новейшее время, кто артикулировал тезис об общей судьбе человечества. В различной нюансировке это понятие приводилось и в работах Дени Гуле по «этике развития», опубликованных в конце XX века, и британским социологом Зигмунтом Бауманом в книге «Множество культур, одно человечество» (2008). Не надо быть древнекитайским философом или французским просветителем, чтобы самостоятельно прийти к аналогичной идее: каждый политолог мыслит по принципу индуктивности. Однако беспримерной заслугой китайского руководства является возведение этой гуманистической концепции в ранг государственной политики. Она уже приносит ощутимую пользу Китаю, служа мощным механизмом его «мягкой силы».

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. ИДВ РАН:

Представляется, что в области внешней политики основными моментами доклада Си Цзиньпина являются: контуры существующего миропорядка; безопасность в международном контексте; могущественная армия и мирное развитие; единая судьба для всего человечества и международные отношения нового типа; «истории», или «сказки», о Китае и «мягкая сила» китайской культуры.

Контуры миропорядка. В докладе была повторена формула, описывающая современный миропорядок через четыре особенности эпохи: политическую многополюсность, или полицентричность, экономическую глобализацию, информатизацию общества и культурный плюрализм.

Видимо, рассматривая современный миропорядок через призму этих «четырех особенностей», Пекин заявляет о своем желании лидерства в политической, экономической, научно-технологической и культурной сферах. Причем, как полагает известный аме-

риканский эксперт Г. Киссинджер, Китай уже стал «экономической сверхдержавой и крупнейшим фактором формирования глобального политического порядка». На очереди научно-технологическое превосходство и культурное влияние. Среди успехов в первой области в докладе с большим энтузиазмом отмечаются грузовой космический корабль «Тяньгун», глубоководный батискаф «Цзяолун», первый космический рентгеновский телескоп, узкофюзеляжный пассажирский авиалайнер С919, квантовый спутник «Моцзы» и др.

Экологический аспект пока не входит в описанную выше «четверку», хотя вероятность лидерства Китая в этой области не за горами. В разъяснениях после съезда комментаторы сделали акцент на необходимости вносить вклад в обеспечение глобальной экологической безопасности.

Безопасность в международном контексте. Очень серьезное внимание при Си Цзиньпине в КНР уделяется безопасности. В меньшей степени страна заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития. Для реализации этих целей решением 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва был учрежден Комитет государственной безопасности (2014 г.), принята концепция государственной безопасности (1 июля 2015 г.) Кроме того, ежегодно 15 апреля стал отмечаться новый государственный праздник — Всенародный день образования в области государственной безопасности. Проводятся рабочие семинары по вопросам государственной безопасности. Сформировалась система комплексной государственной безопасности, которая включает в себя 11 видов безопасности.

Важно отметить, что в докладе был дважды повторен тезис «живя в спокойствии, думай об опасности». Само понимание органической связи безопасности и готовности к проблемам отражено в китайской философии. В частности, древний трактат «Цзо чжуань», охватывающий события с 722 до 468 г. до н.э., использовал идею о том, что «вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее». Другими словами, любая вещь может принести вред при недостатке внимания. Древнекитайский мыслитель Хань Фэй был убежден, что необходимо уделять внимание мелочам, потому что «тысячеверстная дамба разрушается из-за муравьиного гнезда». Классический текст «Книга перемен» гласит: благородный муж, «находясь в безопасности, не забывает об угрозе, существуя, не забывает о гибели; управляя, не забывает о смуте».

Вместе с тем безопасность в докладе увязывается со словом «развитие». Формула «безопасность и развитие» воплощается на практике следующим образом: «безопасность — условие для развития», а «развитие — гарантия безопасности». Что касается международного аспекта, формула «безопасность и развитие» предусматривает также единое, или комплексное, планирование, учет всех мер и возможностей, одновременное «лечение» причин и симптомов «заболевания».

Таким образом, государственная безопасность представляется авторам доклада наиважнейшей и фундаментальной предпосылкой существования и развития государства.

Могущественная армия и мирное развитие. После XIX съезда на сайте «Хуаньцю шибао» появилась статья контр-адмирала КНР Ян И, в которой он тесно увязывает богатое государство и могущественную армию с миром и развитием. Основные положения статьи сводятся к следующему.

Китай успешно создал международный имидж «цивилизованного наставника», который проявляется в том, что НОАК КНР активно участвует в миротворческих операциях ООН по всему миру, а также в конвоировании судов в Аденском заливе.

Автор убежден, что чем сильнее китайская армия, тем надежнее безопасность в мире. Строительство могущественной армии вызвано необходимостью развития Китая и растущим требованием обеспечения государственной безопасности в интересах развития. И это нормальный процесс.

Автор разделяет государства, которые пропагандируют и распространяют миф о «китайской угрозе», на три группы. Первая — США и их союзники, вторая — отдельные традиционно сильные западные державы, третья — сопредельные или пограничные с Китаем государства, с которыми он имеет территориальные или морские споры.

Стратегическая культура китайской нации не содержит понятие экспансии и тем более не обладает «геном» военной экспансии. Напротив, Китай придерживается пути мирного развития и отстаивает курс «активной обороны». В связи с этим ставятся три исторические задачи, которые будут минимизировать распространение «теорий китайской угрозы»: дальнейшее осуществление модернизации, завершение объединения Родины и защита международного мира и содействие развитию.

Таким образом, контр-адмирал Ян И связывает мирное развитие страны с созданием могущественной армии и не считает, что в этом есть какое-либо логическое противоречие. Публикация подобных материалов, очевидно, преследует цель успокоить международное сообщество. В качестве главных тезисов в них присутствуют два положения: сильный и могущественный Китай — гарантия мира во всем мире; важно умение побеждать во всех войнах, не сражаясь, т.е. делать так, чтобы любой противник, угрожающий Китаю, пасовал перед его мощью.

Кроме того, китайские эксперты продолжают говорить о том, что коллективный Запад сдерживает возрождение Китая, и поэтому мирное развитие страны сталкивается с серьезным давлением и вызовами.

Сообщество единой судьбы и международные отношения нового типа. В международном разделе доклада отмечаются успехи КНР в формировании «самобытной китайской дипломатии великой державы», которая становится всевекторной (т.е. всеохватывающей), многоуровневой и многомерной, или объемной, создавая благоприятные международные условия для развития государства.

Констатируется, что Китай значительно повысил свое международное влияние, свою притягательную и созидательную силу. Это произошло, прежде всего, потому, что КНР запустила мегапроект «Один пояс, один путь», успешно провела на «домашних площадках» саммиты АТЭС, международный форум «Пояса и пути» (Пекин), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай), саммит «Группы двадцати» (Ханчжоу) и саммит БРИКС (Сямьнь). Наряду с этим Китай основал Фонд Шелкового пути, учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, способствовал реформе системы глобального управления.

Примечательно, что в докладе сообщество единой судьбы для всего человечества упоминается вместе с международными отношениями нового типа. Как подчеркивает профессор Института по изучению международной стратегии Партийной школы ЦК КПК Чжао Лэй, в своей внешней политике Китай намерен полагаться на эти две концепции, поскольку в основе международных отношений нового типа лежит взаимовыгодное сотрудничество в процессе развития, а в сообществе единой судьбы — сближение и консенсус цивилизаций.

По мнению ответственного секретаря Научно-исследовательского центра изучения теории китайского социализма при Партийной школе ЦК КПК Хань Цинсяня, ключевым моментом формирования сообщества единой судьбы выступают конкретные действия, или «китайские проекты». Причем эти действия должны сопровождаться обязательствами перед мировым сообществом, в частности обещанием продвигать экономическую глобализацию в правильном направлении и добиваться обоюдного выигрыша и совместного пользования плодами развития.

Заместитель директора Института международных отношений при Народном университете Китая, профессор Цзинь Цаньжун называет проект сообщества единой

судьбы «рецептом» от различных внутренних и внешних расколов в условиях падения авторитета Запада и его фрагментации. Он убежден, что если Китай сможет добиться успехов в области модернизации, это станет примером и будет служить образцом для других государств.

«Сказки» о Китае и «мягкая сила» культуры. На протяжении нескольких лет после XVIII съезда КПК руководство КНР активно пропагандирует различные сюжеты из истории Китая, которые можно охарактеризовать словом «сказки».

Наиболее часто повторяется тезис об «общественных продуктах» или «китайской мудрости» как «дарах», которые КНР предлагает всему миру. В частности, инициатива «Один пояс, один путь» преподносится как «свежее дыхание теряющему уверенность международному сообществу», которое стимулирует и укрепляет тенденции прогресса. Примечательно, что эти «общественные продукты», или «блага», носят системный характер и становятся «убедительным свидетельством активного участия Китая в глобальном управлении».

Второй тезис связан с «китайским чудом». Так, генерал-полковник ВВС НОАК КНР Лю Ячжоу отождествляет китайские успехи с мировым чудом. По его словам, мир стал свидетелем «китайского чуда», восхищается «китайской силой», пристально следит за «китайскими проектами». Сегодня Китай — не только название государства, но и слово, ассоциирующееся с надеждой и жизненной силой.

Третья «сказка», которая распространяется все шире — история о том, что ценности сообщества единой судьбы для всего человечества отражаются в китайской традиционной культуре и, особенно, в культуре хэхэ (симбиоз гармонии и сотрудничества). Так называемая модель симбиоза гармонии и сотрудничества хэхэ представляет собой такое состояние отношений Китая с миром, результатом которого является взаимная адаптация и приспособление. Формирование этой модели взаимодействия оказывает позитивное влияние как на судьбы самого Китая, так и на мир, стабильность, региональное и глобальное развитие.

В политике эта модель предусматривает равенство и уважение, в экономике — взаимную выгоду и общий выигрыш, в сфере культуры — взаимное обогащение и взаимную учебу, в сфере безопасности — взаимное доверие и сотрудничество, в глобальных вопросах — общую ответственность. Эта модель базируется на ценностях мира, сотрудничества, совместного развития, исходит из базовых требований долговременной мирной обстановки и общего процветания, рассматривает равноправие, уважение, взаимную выгоду и обоюдный выигрыш как основные нормы поведения, а международное право, международные институты и механизмы — в качестве гарантов.

Таким образом, все более явно происходит привлечение позитивных элементов китайской культуры и использование древности в интересах современности. В то же время предлагается прилагать усилия для укрепления международного сотрудничества и гуманитарных контактов, расширять международный кругозор, должным образом рассказывать о Китае, способствовать выходу китайской культуры на международный рынок.

С.В. Уянаев, к.и.н., заместитель директора ИДВ РАН:

Если давать характеристику итогов работы XIX съезда КПК, то это — фиксация достижений и определение очередных задач страны, которая последовательно идет по пути обретения полновесного статуса крупной мировой державы, одного из главных участников формирования глобальной и региональной повестки дня.

Важное место на съезде традиционно занимали вопросы внешней политики. И в самом Китае, и наблюдателям за его пределами понятно, что внешнеполитический инструментарий — важнейший механизм в решении системных задач подъема страны,

включая создание благоприятной внешней обстановки и обеспечение необходимыми для роста ресурсами.

Может показаться, что в сравнении с предыдущим, XVIII съездом нынешний форум оказался менее «щедр» на громкие внешнеполитические новации. Действительно, в 2012 г. на том съезде впервые четко прозвучали намерение решительно «охранять безопасность государства, никогда не подчиняться какому бы то ни было давлению извне»; готовность «принимать более активное участие в международных делах, играть роль большой и ответственной страны»⁹. Хотя принципиально новых тезисов на XIX съезде на этот счет не прозвучало, однако важным и показательным стал факт, что прежние положения были подтверждены, развиты и дополнены новыми акцентами.

В документах XIX съезда говорится: «Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу»¹⁰.

В уже знакомом тезисе четко видны отсутствовавшие ранее нюансы. Во-первых, речь идет о произошедшем за пять лет переходе от «намерений и готовности» к «продолжению» действий в уже состоявшейся «глобальной роли» КНР. Во-вторых, подчеркнуто конкретное направление реализации этой роли — «участие в формировании системы глобального управления», причем с осознанием особой правомочности на то в виду «китайской мудрости и силы».

На съезде говорилось, что «Китай...ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов»¹¹. По сути, подтвержден тезис предыдущего съезда о том, что усиливающийся Китай намерен непреклонно и всемерно отстаивать свое видение положения мировых и региональных дел. Это может касаться территориальных споров в ЮКМ, ВКМ и Южной Азии, вопросов, связанных с внешним препятствованием «возвращению Тайваня в лоно Родины» и т.п.

Что касается новых акцентов в прежних тезисах, то можно отметить в докладе Си Цзиньпина положение о том, что национальная оборона КНР «носит оборонительный характер», «не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства»¹². По-видимому, речь идет о стремлении рассеять опасения международного сообщества относительно целей военного усиления Китая, убедить его в отсутствии неких вызовов и угроз.

Определенные акценты налицо и в традиционных положениях о развитии двусторонних отношений. Сохранив выделение трех основных групп стран-партнеров и очередность их упоминания, китайское руководство сделало в каждом случае небольшие, но знаковые корректировки.

В связи с «крупными странами» опущены прежние слова о «разногласиях» и подчеркнут как де-факто достигнутый уровень «в целом стабильных и равномерно развивающихся отношений». Поскольку под диалогом с крупными странами в Китае чаще всего подразумеваются отношения с США, в такой формулировке может отражаться общая направленность американской политики КНР, ориентированная на минимизацию разногласий и достижение экономических выгод при сохранении собственной независимости и равноправия.

Тезис об отношениях с «сопредельными странами», ранее включавший намерения «доброжелательности, партнерства и взаимовыгодности», дополнен понятием о «стремлении к искренности»¹³. Повышение «градуса» здесь не случайно. 24–25 октября 2013 г. китайское руководство провело первое в истории КНР Специальное совещание в ЦК КПК по дипломатической работе с сопредельными государствами, что стало наглядным отражением повысившегося внимания к странам-соседям.

Определение отношений с «развивающимися странами», которым Китай издавна выражает симпатии и намерение «навсегда оставаться их надежным другом и искренним партнером», расширено за счет концепции «правдивости, деловитости, душевной близости», «правильного понимания справедливости и выгоды»¹⁴. Налицо очевидное желание Пекина и дальше уделять повышенное внимание этим группам стран, создавая, с одной стороны, «пояс ближней безопасности», с другой — рационально привлекая экономические и политические ресурсы «развивающегося мира» к решению своих национальных задач.

К числу прежних тезисов с новыми акцентами можно отнести также общую тональность внешнеполитического раздела доклада, позиционирующую Китай на международной арене как стойкого защитника принципов «равноправия, коллективизма, демократизма». Особый акцент сделан на принцип совместных действий.

Как отмечалось многими экспертами, съезд закрепил и ряд новых положений, которые прямо связаны с деятельностью нынешнего Председателя КНР. Напомним, что вскоре после вступления на высшие государственные посты Си Цзиньпин выдвинул лозунг о «китайской мечте», увязав его реализацию с ранее озвученной задачей «великого национального возрождения». Было подчеркнуто, что «великое возрождение китайской нации — это и есть величайшая китайская мечта», причем ныне у Китая «больше, чем когда-либо в истории, веры и возможностей достичь эту цель»¹⁵.

Что касается китайской внешней политики, то в данном контексте сама ее цель была подана как «создание условий для реализации мечты о великом возрождении».

Характер новации имеет и тезис об «общности исторических судеб» Китая и народов других стран. Призванный обеспечить имиджевое сопровождение китайской внешней политики, этот лозунг тоже был выдвинут вскоре после прихода к власти пятого поколения китайских руководителей. В документах съезда в рамках этой новации Китай призывает «народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества».

Наконец, в документах съезда нашла неоднократное подтверждение инициатива «Один пояс, один путь», которая за годы после ее оглашения Си Цзиньпином стала истинным лейтмотивом китайской внешней и внутренней политики, присутствует практически во всех внутригосударственных планах и программах, широко и активно реализуется на внешней арене. В целом внешнеполитический раздел Отчетного доклада, другие его сюжеты, связанные с внешнеполитической тематикой, содержат системную основу устойчивых положений. Это и базовые определения характера нынешней эпохи (мир и развитие), и констатация продвижения к мультиполярности, и подчеркнутое отсутствие у Китая стремлений к экспансии и гегемонизму, и многие аналогичные тезисы. Это подкреплено приведенными выше положениями, которые, во-первых, отражают постепенное наполнение модернизированными оценками уже известных установок, а, во-вторых, свидетельствуют о закреплении на высшем партийном форуме тех новаций, которые появились в период между предыдущим и нынешним съездами. Все это позволяет говорить о преемственности, эволюционном характере, а потому — определенной предсказуемости китайской внешней политики.

Рассматривая это положение применительно к российско-китайским отношениям, можно с высокой долей вероятности говорить, что курс на развитие с РФ отношений всеобъемлющего стратегического партнерства Китай планирует сохранить в числе своих основных международных приоритетов.

Этот вывод был официально озвучен спустя две недели после съезда, когда Си Цзиньпин, встречаясь с В. Путиным во Вьетнаме, заявил: «В последующие годы вместе с российскими партнерами мы плечом к плечу неуклонно будем развивать отношения

на высоком уровне, эффективнее способствовать безопасности и развитию обеих стран»¹⁶. Весомость этого заявления действительно ощутима, поскольку оно опирается на объективные реальности и интересы, каковые у КНР по-прежнему присутствуют. Китай заинтересован в мирной совместной границе, в роли РФ как надежного тыла в международных делах, источника энергетических ресурсов. Китай и Россия оценивают двусторонние отношения как действенный рычаг повышения совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности обеих стран, как важный фактор международной стабильности, защиты суверенитета и территориальной целостности каждой из них.

Тем не менее, очевидные имеющиеся достижения и декларации о будущих намерениях не исчерпывают всей повестки российско-китайского взаимодействия. В нем продолжает присутствовать определенная «облачность», которую дипломатично именуют «шероховатостями» и «еще нерешенными вопросами». Для РФ это порождает необходимость четко представлять вызовы и риски, связанные с российско-китайскими отношениями. Основными из них представляются следующие:

1. В связи с продвижением Китаем модели нового «типа отношений с крупными странами» растет значение внимательного мониторинга ситуации в трехстороннем формате КНР — РФ — США. Упор КНР на позитивную составляющую в сложном комплексе отношений с США, подтвержденный личными встречами Трампа и Си Цзиньпина, продолжает сочетаться со значительным сегментом двусторонних разногласий. Глубокий кризис в отношениях РФ и США объективно расширяет возможности Китая, востребованность которого растет со стороны двух других сторон «треугольника». Интересам России отвечает деликатная, но последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия и на «уход» от антикитайских проявлений, осуществляемая, однако, при параллельных действиях в направлении обеспечения равноправности диалога с США. Такой подход важен не только как фактор позитивного развития связей с обоими партнерами, но и как «страховка» от возможного для РФ риска оказаться «на обочине» каких-либо китайско-американских проектов вроде потенциально не исключенной реанимации идеи «G-2».

2. Внимательного изучения по-прежнему требуют внешнеполитические и внешнеэкономические новации КНР, прежде всего, ход реализации идеи «Экономического пояса Шелкового пути». Речь идет об активизации продвижения Китаем своих интересов в бывших среднеазиатских и европейских республиках СССР в сфере экономики и в других областях, для чего привлекаются продуманные средства идеологии (тезис «общности судеб» и т.д.) Не исключено, что это может привести к усилению регионального соперничества между РФ и КНР в экономике, сферах культуры и идеологии, где пока преобладает влияние России. Очевидны и вызовы, которые в связи с китайским проектом возникают для эффективного становления и развития ЕАЭС: партнеры РФ, особенно из стран Центральной Азии, зачастую стоят перед соблазном пожертвовать интеграцией в ЕАЭС ради щедрых предложений в рамках идеи ЭПШП, поступающих им от КНР. Это во многом объясняет непростой характер диалога, ведущегося между ЕАЭС и КНР по заключению торгово-экономического соглашения.

Тем не менее объявленному обеими странами «сопряжению» строительства ЕАЭС и ЭПШП разумная альтернатива у РФ не просматривается. Трезво оценивая и, по возможности, купируя вызовы, необходимо максимально использовать связанные с ЭПШП шансы. Речь идет, во-первых, о потенциально возможном прорыве в давнем вопросе о привлечении китайских инвестиций на российский Дальний Восток и использовании их для общего подъема региона и инфраструктурного строительства. Пока роль КНР как источника прямых инвестиций, к сожалению, не до конца осознается и еще слабее реализуется. Во-вторых, следует продумать и осуществлять выгодное для РФ встраивание

в транзитные коридоры, которые Китай намерен развивать для транспортировки железнодорожных и автомобильных грузов в Европу и обратно. Кроме того, шагом в правильном направлении, безусловно, является выдвижение концепции Большой Евразии (Евразийское экономическое партнерство), что позволяет поднять уровень российских евразийских инициатив, совместно и на одном уровне с китайской идеей ЭПШП продвигать их к более широкой интеграции. Важно, что общее одобрение китайскими партнерами такого подхода зафиксировано в российско-китайских официальных документах¹⁷.

3. В отношениях двух стран, насчитывающих 400-летнюю историю, присутствуют и другие вызовы и нерешенные вопросы: элементы недоверия на бытовом уровне (тезис о «желтой опасности» в РФ, реликты исторических обид по поводу захвата китайских территорий царской Россией — в КНР). Есть экономические шероховатости, к которым относятся не только низкий уровень взаимных инвестиций, но и пробуксовка программ приграничного сотрудничества, не оптимальная для РФ структура торговли.

Тем не менее, очевидно, что в развитии позитивных связей с самой динамичной экономикой мира, со страной, неуклонно набирающей политический вес, заключена возможность укрепления международных позиций РФ в непростое для нее «санкционное» время. В сотрудничестве с нею кроются для экономического развития самой России, в том числе, решения стратегически важной задачи подъема ее сибирских и дальневосточных регионов.

В интересах России — продвигать стратегическое партнерство с КНР, одновременно учитывая те вызовы, которые могут проистекать из новых особенностей китайской внешней политики.

Ю.М. Галенович, д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН:

В ответ на поздравление Президента РФ В.В. Путина Председателю КНР и Генеральному секретарю ЦК КПК Си Цзиньпину в связи с успешным проведением в октябре 2017 г. XIX съезда КПК последний заявил, что «Китай и Россию связывают всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, и Китай будет неизменно решительно углублять отношения с Россией вне зависимости от изменений международной обстановки. Он намерен следовать по единой траектории с Россией, добиваться еще большего развития двусторонних отношений и еще больших результатов».

Судя по словам Президента РФ, основой наших двусторонних отношений является принцип сотрудничества. Российская сторона стремится к согласованию позиций по проблемам внешней политики как в области двусторонних, так и многосторонних, региональных и глобальных отношений и проблем. Она заинтересована в сохранении и поддержании атмосферы доброжелательности в наших отношениях.

Главным представляется сохранение ныне существующей, внешней или декоративной стороны двусторонних отношений, поддержание в них атмосферы доброжелательности. Наша сторона заинтересована в сохранении такой атмосферы. Вместе с тем у двусторонних отношений РФ и КНР есть и внутреннее содержание. Определенное представление об этом дают высказывания Си Цзиньпина в упомянутом телефонном разговоре с Президентом РФ.

Си Цзиньпин подчеркнул, что прошедший съезд утвердил общий курс и программу для будущего развития партии и государства. По сути, это новый генеральный курс КПК, «ядром» которой ныне выступает Си Цзиньпин. Речь идет о признании и в нашей стране своего рода культа личности Си Цзиньпина, а также его «идеи» в качестве генерального курса партии и государства.

Си Цзиньпин также говорит о том, цель КПК — великое возрождение китайской нации. Осуществление этой цели, по словам Си Цзиньпина, — это исторический долг

и миссия КПК. Следовательно, придется приспособливаться к действиям с целью возродить нацию Китая, считаться с требованиями Китая, выполнять то, что требуется, если это трактуется в КНР как часть возрождения нации. Нельзя исключать и того, что речь идет о так называемых утраченных территориях нации Китая.

По словам Си Цзиньпина, развитие Китая невозможно отделить от мира. Это означает, что всему человечеству — и России как одной из его частей — придется считаться с выполнением КПК ее исторической миссии и исторического долга — великим возрождением китайской нации.

По словам Си Цзиньпина, Китай намерен «следовать по единой траектории с Россией». По сути, это все та же мысль о том, что у человечества — общая судьба, общая судьба с нацией Китая. Иными словами, каждая нация, в том числе Россия, должна следовать за нацией Китая.

Призыв ко всем странам объединить усилия оборачивается в этом случае призывом признать руководящую, направляющую и управляющую роль Китая в ходе глобализации. При этом на практике оказывается, что китайская сторона заботится прежде всего о выгоде для себя.

Третий вопрос, как относиться к китайско-американскому соперничеству? Ключевым фактором является наличие глобальной перспективы, трактовку которой также предлагают с китайской стороны. Эта перспектива складывается из двух частей. Будучи крупнейшими экономиками в мире и постоянными членами СБ ООН, Китай и США имеют обширные общие интересы в защите мира и стабильности на планете, стимулировании глобального развития и процветания; они несут на себе важную ответственность. Интересы двух стран глубоко пересекаются, они нужны друг другу. Китай не является соперником или врагом, как думают некоторые. Снова возникает перспектива появления на планете «большой двойки», причем — на условиях Китая.

XIX съезд КПК предстал, прежде всего, как инерционно-декоративное мероприятие, и в этом нашла свое отражение ситуация в самой компартии и в стране в целом. КПК и ее руководство продолжают держать власть в своих руках. В то же время не происходит существенных реформ, позволяющих решать существующие политические и экономические проблемы. Съезд не был посвящен обсуждению реальных проблем, не были предложены пути их решения.

Представляется, что необходимость появления «ядра» — проявление слабости руководства правящей партии, ненормальности обстановки в партии и в стране. В то же время нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как компромисс между всеми главными силами внутри руководства партии. Во всяком случае, говорить о реальном единовластии Си Цзиньпина нет оснований. Тем не менее большинство руководителей партии сочли необходимым укрепить номинальное первое место Си Цзиньпина в партийной иерархии.

Судя по докладу, главная национальная идея сегодня — это великое возрождение нации Китая, достижение китайцами главенствующего положения по отношению ко всему человечеству.

В докладе говорится о том, что «страна переживает важный стратегический благоприятный момент». Но одновременно существуют и серьезные вызовы. Под благоприятным моментом имеются в виду противоречия и конфликты между различными силами на планете, то, что США и прочие находятся в «состоянии упадка». В то же время говорится о недопустимости чувства самоуспокоенности, поскольку «глобальные проблемы обостряются». При этом «китайская мечта» объединяется с мечтой о сильной армии, сильных вооруженных силах, чему в докладе также уделено большое внимание.

Необходимо самым тщательным образом анализировать развитие ситуации и учитывать курс Китая на усиление вооруженных сил и на подготовку войны. У нас уже

был урок, когда в 1969 году в нашей стране, особенно в ее руководстве, не были готовы к отражению нападения, «просмотрели войну». Не хочется, чтобы это повторилось.

В докладе предлагается «всесторонне продвигать вперед китайскую самобытную дипломатию великого государства, формировать многовекторную, многоуровневую, многоярусную, многоступенчатую, стереоскопическую обстановку в области внешних связей с тем, чтобы создавать прекрасные внешние условия для развития страны». Это означает осуществление глобальной стратегии, нацеленность на будущее, на действия в любом районе планеты. Этой стратегии подчинены все действия в сфере внешней политики, независимо от того, кто их осуществляет — государство или негосударственные структуры.

В докладе говорится о необходимости содействовать реформе системы глобального управления, повышать влияние Китая в мире. Стоит выяснить у китайских коллег, что подразумевается под реформой системы глобального управления. В Китае считают, что в истории человечества глобальное управление лучше всех осуществляли китайцы. Можно предполагать, что речь идет о возрождении подобной ситуации.

В докладе предлагается поднимать международный статус КНР на ранее невиданную высоту. К термину «возвышение» стоит присмотреться, чтобы понять, что это означает на практике, прежде всего, для нашего народа и нашей страны.

Центральное теоретическое положение доклада Си Цзиньпина — это идея китайского самобытного социализма в новую эпоху. Речь идет о «возвышении» Китая. У Си Цзиньпина это характеризуется термином *вэй да фэй юе* — «великий взлет». А до того Китай претерпел много горестей и невзгод, причем подразумевается, что эти невзгоды ему принесли иностранцы.

Китай давно не является страной, которую кто-то угнетает, причиняет ей страдания. Реальная ситуация такова, что сегодня никто в мире не может напасть на Китай, навязать ему свой контроль или свое господство. Наоборот, многие рассматривают именно Китай как угрозу, озабочены тем, как бы эту угрозу сдержать. В этой ситуации заявления о страданиях и невзгодах Китая могут восприниматься как намеренное желание его властей оказать нажим на того или иного партнера.

С точки зрения Си Цзиньпина, за годы существования КНР страна уже пережила две «эпохи». Сначала «эпоху Мао», во время которой она «встала во весь рост». Затем — «эпоху Дэна», когда страна «обогадилась». Наконец теперь страна живет в «эпоху Си», для которой основной характеристикой является сила, страна сегодня «усилилась».

В историческом разделе доклада говорится о том, что КПК с момента создания «поставила своей целью осуществление коммунизма и историческую миссию великого возрождения нации Китая...». То есть у нее изначально существовала двуединая цель. Очевидно, таким образом решается трудная задача соединения коммунизма и национализма. При этом национализм явно занимает главенствующее положение, а с интернационализмом, похоже, пришлось окончательно распрощаться.

В докладе постоянно повторяется термин *цян* («сильный»), подчеркивается, что нынешняя эпоха требует сильного государства и сильной армии. При этом, имея в виду реальную мощь Китая и ситуацию на планете, очевидно, что сильное государство и сильная армия нужны нынешним китайским руководителям не для того, чтобы защищать Китай от нападения извне.

В докладе сказано: «Китай ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради того, чтобы развиваться самому, а также ни в коем случае не будет отказываться от своих законных (справедливых) интересов, ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам». Представляется, что такая формулировка позволяет китайской стороне иметь руки развя-

занными в любой ситуации. С одной стороны, дается заверение в том, что развитие Китая не наносит никому никакого ущерба. Но одновременно говорится, что Китай ни в коем случае не будет отказываться от своих законных справедливых интересов. Более того, «ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам» (это, кстати, напоминание о словах Мао Цзэдуна по поводу того, что проглотить горькую пилюлю его якобы заставила наша страна).

Далее говорится: «Китай осуществляет политику оборонительного характера. Развитие Китая не создает угрозы ни одному государству. Вне зависимости от того, до какой степени будет развит Китай, он никогда не будет именоваться гегемоном (*ба*), никогда не будет заниматься экспансией». Термин *ба* в связи с международными отношениями был введен в свое время Мао Цзэдуном. Необходимо, однако, уточнить, что в истории Китая *ба* именовали того, кто незаконно претендовал на верховную власть (по мнению Мао, СССР и США незаконно претендовали на верховную власть над миром). Тогда как сегодня в КНР часто говорят о том, что в свое время в истории Китай управлял делами планеты, и у него это получалось лучше, чем у кого бы то ни было.

В целом на основе изучения доклада можно констатировать, что КПК на съезде заявила, по сути, о переходе внешней политики Китая в стадию активного осуществления глобальной стратегии, составной частью которой является реформирование управления. При этом Си Цзиньпин прямо говорит о «мудрости и силе Китая».

В заключительной части доклада вновь появляется слово «сильный». Си Цзиньпин, в частности, подчеркивает: «Великое дело... требует руководства со стороны сильной партии». Другое важное слово — «величие»: великая нация, великий народ, великая политическая партия, великая мечта. Во время правления Мао Цзэдуна некоторые в Китае говорили: «У нас теперь все великое». Похоже, что в этом смысле происходит возврат в прежние времена. В целом, на XIX съезде КПК ее руководство, прежде всего Си Цзиньпин, объявив о переходе глобальной стратегии Китая в активную фазу, фактически противопоставили себя «остальному человечеству». Главным соперником в конкурентной борьбе за мировое господство они считают США. России при этом предназначена роль «отвлекающего маневра» — того, кто должен находиться в состоянии постоянной конфронтации с США. В ходе противостояния «остальному человечеству» в целом и каждой его части, так или иначе, придется защищать свои интересы от активно осуществляющего свою глобальную стратегию Китая. Эта ситуация будет побуждать части «остального человечества» объединять усилия. Вопрос в том, сумеет ли и успеет ли «остальное человечество» осознать ситуацию.

Вопрос об отношениях с Китаем — главный во внешней политике России. На его решении, то есть на защите интересов нашего народа и нашей страны, необходимо сосредоточить все материальные и духовные силы.

В настоящее время у нас в этом отношении нет многого, в первую очередь, руководящего центра. Необходимо иметь единый руководящий центр, определяющий всю политику РФ в отношении Китая. Исторический опыт показывает, что эту работу целесообразно осуществлять под руководством верховного государственного совещания. Речь идет о группе руководителей: президент, глава правительства, министры обороны, иностранных дел, экономики, финансов. Возможно привлечение руководителей иных ведомств.

В администрации президента целесообразно иметь специальный отдел по Китаю, который может быть наделен полномочиями для отслеживания исполнения решений верховного государственного совещания и должен опираться на мнения китаеведов, других экспертов и специалистов.

Необходимы экспертные центры, в том числе ИДВ РАН. При этом часть его деятельности должна носить открытый, а часть — закрытый характер. ИДВ и другие науч-

ные центры по Китаю должны находиться на особом государственном материальном обеспечении и не испытывать недостатка в средствах, чтобы гарантировать приток кадров, в том числе молодежи.

Исследования по Китаю должны носить комплексный характер. Это означает объединение центров изучения Китая внутри России, объединение их усилий, возможно, с помощью всероссийской организации китаеведов. Необходимы также совместные исследования китаеведов России с китаеведами государств — бывших республик СССР, восточно-европейских стран, Европы, Америки, Японии, Индии, мусульманских государств, соседних с Китаем стран и т.д. Вся эта работа в настоящее время прекращена, а без этого не удастся согласовывать действия с другими частями человечества по общей для них проблеме — взаимоотношения с Китаем.

Необходимо повысить значение работы Общества российско-китайской дружбы, которое на деле должно быть обществом дружбы народов России и Китая. Действующие Президент РФ и Председатель КНР могли бы стать почетными председателями соответствующих обществ дружбы между народами двух стран. Средства на работу общества в нашей стране должны выделяться из государственного бюджета.

Целесообразно настаивать перед китайской стороной на неоднократном проведении Годов дружбы между Россией и Китаем. Китайская сторона «уходит» от термина дружба, пытается заменять его термином «народная дипломатия». Например, совместные военные маневры РФ и КНР сначала именовались «миссией дружбы», затем, по настоянию китайской стороны, были переименованы в «миссию мира», в то время как такие же учения, например, с Пакистаном, именуются «миссией дружбы».

Под полный контроль должна быть поставлена работа институтов Конфуция в нашей стране и туризм из Китая. Все то, что говорится при обучении студентов в институтах Конфуция и гидами туристам из Китая, должно проходить утверждение в соответствующих учреждениях нашей стороны. Преподаватели и гиды должны говорить то, что отвечает интересам нашей страны, а за нарушения — лишаться права заниматься этой работой.

Работа всех чиновников, бизнесменов, работников сферы образования и науки, а также средств массовой информации, которые имеют отношение к Китаю, должна быть под особым контролем: нужно исключить работу по принципу «поддакивания» китайской стороне и работу фактически на содержании у китайской стороны.

Особого внимания заслуживает работа по выявлению китайских шпионов, по пресечению китайского шпионажа. Необходимо также добиться полного прекращения экспорта в нашу страну наркотиков из Китая.

При осуществлении экономической деятельности следует исходить из того, что китайская сторона как покупатель в большей мере заинтересована в таких связях, чем наша сторона. При этом необходимо помнить, что земля, вода и воздух — наше национальное и общечеловеческое достояние, которое следует беречь и передать потомкам, а не «разбазаривать».

В учебниках для средних и высших учебных заведений России должны быть разделы, посвященные истории наших отношений с Китаем, написанные с позиций защиты наших интересов: у населения России должно быть правильное представление об истории наших отношений.

По острым вопросам истории наших взаимоотношений могут вестись дискуссии с китайскими коллегами. Важно отделить вопросы о взглядах тех или иных ученых от межгосударственных отношений.

Было бы целесообразно заменить все ныне действующие договоры о границе одним новым общим договором, с которым были бы согласны обе стороны. Необходимо также разработать и подписать договор о режиме границы.

Во взаимоотношениях с китайской стороной важно подчеркивать, что главные принципы наших отношений — это дружба и отношения между народами, в интересах народов. Следует напоминать, что существуют и должны пропагандироваться Реестр добрых дел России по отношению к Китаю и Реестр добрых дел Китая по отношению к России, поскольку в настоящее время с китайской стороны фактически предъявляется необоснованный исторический счет к нашему народу и нашей стране.

При изучении внешней политики Китая первостепенную важность, помимо наших двусторонних отношений, имеют отношения КНР с США, государствами Европы, с Индией, государствами Средней Азии, Монголией, мусульманскими странами и Израилем, а также с соседними с ним государствами. Важным представляется специальное изучение отношений между Китаем и бывшими советскими республиками, Китаем и государствами Восточной Европы. Эта работа должна быть развернута в рамках комплексных и совместных исследований. Например, вопрос об отношениях Китая и Америки должен рассматриваться совместно ИДВ РАН и Институтом США и Канады РАН.

Необходимо наладить обмен мнениями, совместное изучение вопросов, касающихся наших отношений с Китаем, с представителями государственных учреждений, бизнеса, преподавателями вузов, работниками СМИ.

Все, что содействует поддержанию дружественной атмосферы в отношениях, необходимо оберегать и сохранять. В то же время нельзя поддакивать и находиться на содержании у китайской стороны, нельзя считать себя учениками Китая. Не следует повторять за китайской стороной утверждение: «Будущее принадлежит Китаю», говорить, что место, где в 1928 г. в окрестностях Москвы проходил шестой съезд КПК, «это святое для китайцев место». Неприемлемым представляется и навязываемый китайской стороной термин «красный туристический маршрут» (имеется в виду путешествие «по ленинским местам»).

Необходимо исходить из различий между идеологиями в нашей стране и в Китае. Это — разные идеологии.

Нужно с осторожностью относиться к утверждениям о том, что сейчас мы переживаем «лучший период в истории наших отношений»; что «в пограничном вопросе поставлена точка»; не соглашаться с утверждением о том, что анализ внутреннего положения в Китае — это «досужие домыслы» о стабильности в КНР.

А.Г. Ларин, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН:

Главное то, что съезд зафиксировал становление Китая в новом качестве: глобальной державы, вошедшей в число мировых лидеров по совокупной национальной мощи, мыслящей глобальными категориями и принимающей значительную долю ответственности за судьбы мира. Китай идет собственным путем развития, отличным от путей, присущих государствам Запада, поднимаясь все выше к вершинам мирового лидерства. Съезд наметил также перспективы дальнейшего развития страны и снабдил ее новой идеологической платформой — идеями Си Цзиньпина, поименованными концепцией социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

При этом материалы съезда буквально пропитаны духом китайского национализма, насыщенного гордостью за историю и культуру народа, за его нынешние успехи. Было бы удивительно, если бы в идеологии успешно развивающегося государства таких масштабов не появилось мессианских тенденций. И они появились и нашли четкое выражение в формулировках типа: развитие социализма с китайской спецификой «открыло

развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и сохранить собственную независимость».

Мессианство было свойственно и СССР, и дореформенному социалистическому Китаю, присутствует оно и в политике США. Но советско-китайское социалистическое мессианство и американское мессианство предусматривали уход с мировой сцены определенных политических режимов и социальных систем — в результате победы социалистического строя или многопартийного демократического строя. Это — конфронтационные, агрессивные виды мессианства.

В отличие от них китайское мессианство — это идеология общего выигрыша, толерантности, равноправия, взаимного уважения, идеология общей судьбы человечества. В ней, конечно, есть немалая доля утопизма, и едва ли сам Китай удержится в ее рамках. Тем не менее, предложенная Китаем идеология способна работать на смягчение конфликтов и конфронтации в современном мире и тем самым приносить общую пользу.

Вместе с тем она прекрасно обслуживает интересы самого Китая, в целом держащего курс на экономическую, а не на силовую экспансию и не испытывающего необходимости затевать вооруженные конфликты или вмешиваться во внутреннюю жизнь других стран. При этом огромная «жесткая» сила Китая порождает особый вид вторичной, психологической силы (назовем ее «мягким последствием жесткой силы»): противник отступает, понимая, что силовой конфликт с Китаем ему не выиграть и целесообразнее сделать упор на экономическое сотрудничество с Пекином.

Внешнеполитические формулировки XIX съезда рассчитаны на повышение международного авторитета Китая. Одновременно, по мнению ряда экспертов, они прикрывают тот факт, что, осуществляя политику открытости в соответствии с потребностями своей огромной экономики, Китай в небывалых масштабах прибирает к рукам мировые запасы сырьевых ресурсов, рынки сбыта своих товаров и промышленные предприятия. Важным видом экспансии становятся китайские инвестиции за рубеж — в энергетику, инфраструктуру, промышленность, добычу природных ресурсов. Все они имеют геополитическое значение. Даже если тот или иной проект не приносит прибыли, доля собственности Китая в нем или задолженность по китайским кредитам государства-партнера дают Пекину рычаги влияния на хозяйственную жизнь и политику данного государства.

Не все китайские предложения принимаются «на ура». Некоторые совместные проекты отклоняются из-за их высокой стоимости, чрезмерно жестких условий китайской стороны и т.п. В продаже некоторых объектов Китаю отказывают из-за их стратегической значимости для обеспечения национального суверенитета. Кроме того, само китайское правительство усиливает контроль за экспортом капитала, стремясь обеспечить коммерческую эффективность инвестиций и направить их в реальные сектора экономики, а это ведет к сокращению их объема. Тем не менее, в целом можно говорить о победном шествии китайского капитала и товаров по планете. К нему следует добавить огромный суммарный профицит во внешней торговле КНР со множеством стран, в результате чего Китай приобретает небывалое влияние и власть в мировой экономике.

При Си Цзиньпине набрали силу такие процессы, как централизация власти, усиление контроля властей над обществом. Внеся в устав КПК идеи Си Цзиньпина относительно социализма с китайской спецификой в новую эпоху и сделав обязательным изучение этих идей по всей стране, XIX съезд по существу оформил культ личности Си. Возможно, сосредоточение полноты власти в центре, даже в одних руках, отвечает внутренним потребностям китайского общества, обусловлено необходимостью преодоления сопротивления консервативных сил и разрешения накопившихся противоречий. Возможно, централизация власти станет действенным фактором в проведении назревших реформ. Необходи-

мая для этого политическая воля у Си Цзиньпина, очевидно, имеется. Глубокие реформы невозможны без преодоления сопротивления консервативных сил, но может случиться так, что их проведение будет подменено борьбой за сохранение личной власти.

В докладе Си отдана дань многополярности, однако на фоне различных глобальных тенденций одной из самых значимых нужно считать нарастающее соперничество теперь уже КНР и США. Учитывая, насколько тесно их экономики сплетены друг с другом и насколько при их нынешней военной мощи рискованно прибегать к оружию, логично предположить, что «отношения нового типа между большими государствами» будут развиваться по известной модели: «соперничают и сговариваются», модифицированной в виде формулы «соперничают, сотрудничают и сговариваются».

В «стратегическом треугольнике» Россия — Китай — США Россия находится в самом неблагоприятном положении. Оказавшись изолированной от Запада, оставшись без союзников, она тем самым существенно ослабила свои позиции и в диалоге с Китаем. Нет ничего удивительного в том, что Китай, действуя сообразно логике собственных интересов, фактически не поддержал Россию в политическом плане в украинском кризисе, а в экономических отношениях повел себя как сугубо коммерческий партнер. Это — слишком высокие проценты по кредитам для российских компаний, заниженные цены, предложенные за доли в российских добывающих компаниях, и цены за поставки российского газа. Некоторые российские специалисты считают, что Китай фактически попытался воспользоваться тем, что Россия попала под санкции и отчаянно нуждалась в средствах. Примечательно, что это происходило в то время, когда Россия и Китай провозгласили наступление нового этапа в их партнерстве (2014 г.), а российские СМИ активно писали о «повороте на Восток».

Эти факты подтверждают, что углубление китайско-американского соперничества, которым, по всей видимости, будет сопровождаться провозглашенный XIX съездом дальнейший подъем Китая, не сулит России никаких бонусов, если она не сумеет вырваться из нынешней ямы.

Усиление могущества Китая ни в коем случае не означает, что он будет меньше нуждаться в стратегическом партнерстве с Россией. Она по-прежнему необходима ему как надежный тыл в противостоянии Соединенным Штатам; как источник энергетических и сырьевых ресурсов, потребность Китая в которых будет и дальше расти; наконец, как важный рынок его товарной продукции, а также источник некоторых современных технологий. Не случайно Си Цзиньпин в ответе В.В. Путину на поздравление по поводу избрания генсеком КПК и во время последнего визита Д.А. Медведева в КНР подтвердил, что Россия остается ближайшим партнером Китая. Причем, как все чаще подчеркивается в последнее время, «равноправным партнером».

Что может принести России дальнейшее усиление национальной мощи Китая и повышение жизненных стандартов его населения? Во-первых, ускорится процесс проникновения Китая в страны ЦА и оттеснение России на обочину экономической и геополитической жизни этого региона.

Во-вторых, не стоит надеяться, что подъем экономики КНР позволит России получать от него больше инвестиций: приток китайских инвестиций в Россию сдерживается не возможностями Китая, а качеством инвестиционного климата в России.

В то же время увеличение разрыва между Россией и Китаем, вполне возможно, приведет к усилению влияния китайского бизнеса на экономику Сибири и Дальнего Востока. С этой точки зрения заслуживает внимания попытка администрации Забайкальского края в 2015 г. по скромной цене (согласно расчетам, 250 рублей за гектар) отдать китайцам в аренду на 49 лет (!) то единственно ценное, чем она располагает — землю,

а именно 115 тысяч га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тысяч.

А учитывая реальную практику борьбы с коррупцией в России, можно с уверенностью предположить, что в китайском влиянии будет присутствовать и весомая доля коррупционной составляющей. Примеры масштабного сговора китайского и российского бизнеса вкупе с российскими таможенниками на Дальнем Востоке и в Калининградской области уже имеются.

В-третьих, на фоне стагнации российского общества и смутных перспектив его возрождения, особенно за Уралом, может повыситься привлекательность Китая для представителей местной административной, деловой, интеллектуальной элиты — наподобие того, как сегодня для них привлекателен Запад. Для одних это будет означать вывод в Китай капиталов, приобретение там недвижимости и т.п.; для других — переезд в Китай на работу. Определенная тенденция уже налицо.

Поразительные успехи Китая должны заставить российские элиты серьезно задуматься над старым вопросом: что же мешает нам повторить его успехи? Ведь наши политические и экономические системы в принципе похожи. Понятно, что опыт Запада нам не подходит, но мы почти не изучаем и опыт Китая с точки зрения того, как там решают сходные с нашими проблемы.

Вместо этого мы вдохновляемся примером Китая и надеждами на сотрудничество с ним в сооружении помпезных, но непомерно дорогих объектов, не задумываясь об их окупаемости и не проводя серьезных расчетов. Окупит ли себя высокоскоростная магистраль (ВСМ) Москва — Казань? В Китае почти все ВСМ убыточны. Считается, что строительство ВСМ оправдано тем, что они освобождают пути для товарных поездов. Однако для этого параллельная пассажирская магистраль совсем не обязательно должна быть высокоскоростной. Но в правительственных документах ее уже рассматривают как участок трансконтинентальной магистрали Пекин — Москва без расчетов затрат и объема пассажиропотоков в этом мегалопроекте.

В этом видны происки лоббистов из российского транспортного ведомства вкупе с могущественным ООО «РЖД», которые, ссылаясь на пример китайского Нового Шелкового пути, проталкивают выгодные для себя, но вредные для интересов страны проекты. Как тут не вспомнить печальный опыт БАМа! Как не вспомнить, что бездумная реализация ведомственных интересов, ради которых были выброшены на ветер гигантские средства, послужила одной из причин, приведших к краху СССР.

Успехи Китая в возрождении китайской нации должны побудить нас к глубокому творческому изучению китайского опыта, с тем чтобы выработать наиболее эффективные способы ускорения собственного развития. Мы должны внимательно следить за тем, как будут выполняться решения XIX съезда КПК.

А.О. Виноградов, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН:

В сравнительно небольшом внешнеполитическом разделе доклада Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина основное внимание было уделено строительству «сообщества единой судьбы человечества» и характеристике международной обстановки в целом. Касаясь межгосударственных отношений, Си Цзиньпин повторил в кратком виде формулировку, предложенную на предыдущем съезде его предшественником Ху Цзиньтао, в соответствии с которой все страны мира для Китая делятся на три вида: крупные, сопредельные и развивающиеся. В отношении первой группы стран необходимо, во-первых, «продвигать координацию и сотрудничество», а во-вторых, «установить такие рамки отношений, при которых они развивались бы в целом стабильно и сбалансиро-

рованно». Заметим, что задача построения с этими странами «нового типа отношений» больше не ставится, так как, видимо, считается выполненной.

По отношению к сопредельным странам добавилась концепция (*цинь, чэн, хуэй, жун*), которая переводится как «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность».

Хотя тематика российско-китайских отношений на съезде КПК не затрагивалась, тем не менее сам съезд — хороший повод непредвзято взглянуть на их современное состояние и попытаться высветить и проанализировать не только достижения, но и проблемы, существующие в двустороннем взаимодействии, а также обрисовать его перспективы.

Несомненно, что отношения с Китаем являются и должны являться сегодня главным направлением внешней политики РФ. Китай — ведущий партнер России как в экономической, так и в политической области.

Вместе с тем происходящее в последние несколько лет определенное «приукрашивание» состояния, характера и существа российско-китайских отношений, происходящее, по нашему убеждению, прежде всего с подачи китайской стороны, мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Мифологизация российско-китайских отношений, попытка представить их исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствуют их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Один из примеров подобной мифологизации — характеристика нынешнего этапа в отношениях двух стран как «наилучшего в истории». Одно время она присутствовала и в заявлениях высшего руководства РФ. Напомним, что для российской историографии «наилучшим периодом» в отношениях наших стран всегда было принято считать период первой половины и середины 50-х годов XX века, когда Советский Союз и Китайская Народная Республика были связаны Договором о дружбе, союзе и взаимопомощи. В соответствии с буквой и духом этого договора Советский Союз такую помощь Китаю всемерно оказывал (в КНР она тогда с полным основанием называлась «братской помощью»). Нам кажется, что об этом периоде отношений не стоит забывать (а тем более — интерпретировать характер советско-китайских отношений в тот период в духе последующих высказываний Мао Цзэдуна).

Второй миф относительно российско-китайских отношений — это заявления о том, что в 2000-х годах стороны окончательно решили (или «закрыли») вопрос о российско-китайской границе. Действительно, в результате заключения Договора 2001 г. двум сторонам удалось договориться о линии прохождения границы на всех участках, кроме двух островов у Хабаровска. В 2004 г., после проведения размежевания в районе этих островов (имеются в виду острова Тарабаров и Большой Уссурийский), была решена и эта проблема. Однако заметим, что характер размежевания вызвал довольно неоднозначную реакцию не только со стороны российского населения (посчитавшего, что российская сторона отдала свои исконные территории китайцам), но и со стороны китайской общественности, до сих пор уверенной в том, что оба этих острова должны полностью принадлежать КНР.

Не стоит забывать и том, что в китайской историографии по-прежнему исходят из позиции, заявленной Мао Цзэдуном в 1964 г., в соответствии с которой Россия в свое время захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. Несмотря на то, что в процессе нормализации отношений между нашими странами в 1989 г. было принято решение начать, по словам Дэн Сяопина, «с чистого листа», факт «захвата» Россией огромной китайской территории, которую КНР считает исторически своей, преподносится китайскому населению как «непреложный». И именно в таком ключе изучается в школах и вузах Китая.

Возможно, решению данного вопроса могло бы помочь заключение специального договора о границе между двумя нашими странами, в котором стороны заявили

бы о том, что существующая граница является окончательной, и подтвердили бы отсутствие претензий друг к другу. Несмотря на различную трактовку определенных исторических событий, факт того, что российская сторона имеет по поводу вышесказанного свое мнение, отличное от позиции китайской стороны, также должен быть зафиксирован документально.

Еще один широко распространяемый миф, часто повторяющийся и с китайской, и с российской стороны, касается совпадения стратегических позиций и интересов России и Китая, вплоть до предложений о заключении военного союза. В этом отношении нужно четко разделять объективное совпадение долгосрочных глобальных интересов народов двух стран, нуждающихся в мире и развитии, а также в установлении более справедливого порядка в международных делах (включая борьбу за изменение сложившейся мировой финансовой и экономической системы), и существующие конкретные различия в позициях РФ и КНР по некоторым международным проблемам, объясняющиеся их неодинаковым положением и местом в системе международных отношений, в том числе в структуре мировой экономики, а также разницей в подходах к решению ряда международных вопросов.

Это необходимо для того, чтобы не поддаваться магии слов и не заниматься самоуспокоением, а видеть конкретные расхождения и тщательно с ними работать в интересах сближения позиций и нахождения точек соприкосновения.

Например, когда мы говорим о том, что «Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги»¹⁸, не стоит забывать, что не только в ряде западных стран, но и в Китае сегодня активно осуществляется такой пересмотр, чтобы доказать, что именно Китай понес в той войне наибольшие жертвы и внес наибольший вклад в победу над фашизмом и милитаризмом.

Точно так же, когда говорится о том, что «стратегическим консенсусом» России и Китая является противодействие международному терроризму¹⁹, мы не всегда учитываем, что Россия и Китай вкладывают в понятие международного терроризма разное содержание. В то время как для России это, прежде всего, ИГИЛ, для Китая главным противником является Исламское движение Восточного Туркестана и другие уйгурские националисты.

То же самое касается сотрудничества в сфере безопасности в целом. Например, в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР ШОС занимает предпоследнее место в перечне важных для Пекина механизмов в сфере безопасности, а структура ШОС по борьбе с терроризмом — РАТС — не упомянута вообще. А одну из первых по важности строчек в этом перечне занимает новый антитеррористический механизм с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, который не включает Россию и не связан с ШОС²⁰.

Подобных примеров множество. Существуют серьезные различия в подходах к ситуации на Украине и вопросу принадлежности Крыма, к событиям в Сирии и к вопросу о путях и способах «сопряжения» проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и др. Очень во многих случаях можно обнаружить различия как в подходе сторон, так и в понимании причин и следствий происходящих процессов.

Однако это не мешает искать точки соприкосновения, совсем наоборот: ведь только при фиксации различий можно искать и находить то общее, главное, что нас сегодня объединяет и сближает.

Подчеркнем еще раз, что Китай сегодня — главный и наиболее важный партнер РФ на международной арене, что обусловлено как ухудшением отношений России со странами Запада, так и сложившейся международной ситуацией в целом. Однако при этом не следует забывать о том, что Китай — крайне сложный партнер, не только пресле-

дующий в мировой политике свои собственные интересы, но умеющий их жестко отстаивать. И эти интересы далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами России.

А.С. Давыдов, к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», в.н.с. ИДВ РАН:

Завершившийся в Пекине XIX съезд КПК внес существенные изменения во внешнеполитические концепции КНР. Определив международный статус Китая как «самой большой в мире развивающейся страны», он обозначил цель ее движения вперед как «великое возрождение китайской нации», которое «без руководства КПК неизбежно стало бы утопией».

Предпосылкой достижения этой цели названо «полное воссоединение Родины», а конечным результатом внешнеполитических усилий КНР должно быть стимулирование «создания общества единой судьбы всего человечества», для чего необходим «стабильный международный порядок», опирающийся на «концепцию всеобщей комплексной и устойчивой безопасности».

Понятно, что столь амбициозные цели предполагают использование Китаем соответствующих инструментов, облегчающих их достижение. Преобладающая доля такого инструментария связана с мерами внутривнутриполитического характера, однако не последнее место в их числе отводится и действиям КНР на международной арене.

Главное состоит в том, что устами генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина фактически было объявлено, что Китай уже «перерос» статус региональной державы и претендует на одно из первых мест среди ведущих государств мира.

На первый взгляд это может выглядеть как отход от прежней основополагающей позиции «копить силы и не высовываться», озвученной в свое время Дэн Сяопином и канонизированной теоретиками-политологами КНР. Ведь именно на основании этого высказывания многими аналитиками, в том числе зарубежными, тогда были сделаны выводы об отсутствии у Китая «имперских замыслов» и ограниченности его устремлений достижением уровня «региональной силы».

Однако теперь выясняется, что это не так. Получается, что упомянутые выводы покоились на недостаточном знании китайского менталитета, включающего умение скрывать желаемое, говоря одно, думая другое, а делая третье. При этом многим знатокам Китая и раньше было ясно, что постулаты Дэна — стратегическая уловка, призванная до поры до времени скрывать истинные намерения «Срединной империи».

Безусловно, заявка КНР на глобальное лидерство подкрепляется, в первую очередь, экономическими достижениями Пекина, но не только этим. Китай неуклонно наращивает свою политическую и военную мощь, укрепляя влияние в АТР и распространяя его на другие части мира. Одно из недавних свидетельств идейно-геополитического экспансионизма КНР — проект «Пояс и путь».

К концу первой трети нынешнего века Пекин планирует занять передовые позиции в инновационной сфере, стать мировым лидером в областях фундаментальных научных исследований, аэрокосмических технологий и интернета, активизировать борьбу с глобальными изменениями климата.

Выступая за «открытое, инновационное, инклюзивное и взаимовыгодное развитие, содействие межкультурным обменам, гармоничное сосуществование, взаимовосприятие и взаимодополнение», Китай призывает к «формированию нового типа международных отношений, ... крупным переменам и серьезной перестройке в мире», «преобразованию системы глобального управления и международного порядка».

Однако это противоречит провозглашенному далее в докладе Си Цзиньпина весьма спорному обязательству КНР, с одной стороны, «ни в коем случае не жертвовать

интересами других стран ради собственного развития», а с другой — «ни при каких обстоятельствах не отказываться от своих законных интересов и прав». Интересы и права Китая на протяжении всей его истории многократно вступали в столкновение с интересами и правами других государств, а предлагаемый ныне слом существующей системы глобального управления и международного порядка неизбежно приведет к противодействию со стороны тех, кого эта система вполне устраивает и, в первую очередь, США.

Переживая разные периоды — и потепления, и охлаждения, китайско-американские отношения всегда оставались достаточно сложными и трудно предсказуемыми. В этом смысле не является исключением их состояние и после воцарения в Белом доме президента Д. Трампа.

Вслед за президентской избирательной кампанией, сопровождавшейся анти-КНР-овской риторикой и демонстрацией «теплых чувств» к тайваньскому руководству, Трамп спустя два с половиной месяца после инаугурации пригласил Си Цзиньпина посетить США. Переговоры двух лидеров во Флориде позволили им не только познакомиться лично, но установить необходимые деловые контакты.

Очевидно, к еще не очень опытному в политическом отношении Трампу уже тогда пришло осознание того, что роль и значение КНР в жизни современной Америки весьма велики. Достаточно отметить, что почти за 39 лет с момента установления дипломатических отношений между США и континентальным Китаем объем их двусторонней торговли увеличился почти в 240 раз — с 2,5 до приблизительно 600 млрд долл., а обоюдные инвестиции на конец 2016 г. составили более 100 млрд долл. Соединенные Штаты реализуют в КНР 67 тыс. инвестиционных проектов в объеме около 80 млрд долл. При этом 90% американских предприятий в КНР являются прибыльными. В свою очередь Китай создает в США большое количество рабочих мест и владеет американскими ценными бумагами на сумму 1,15 трлн долл.

В то же время на протяжении многих лет между двумя странами существуют трудно разрешимые экономические и политические расхождения и противоречия. Сохраняются торговые разногласия на почве значительного превышения доли китайского экспорта в США над импортом американской продукции на китайский рынок. По оценке Трампа, дефицит торгового баланса с КНР составляет у Америки свыше 500 млрд долл., хотя эта цифра представляется несколько завышенной. Более реальный показатель дефицита двусторонней торговли — 350–370 млрд долл.

Вашингтон настаивает на расширении доступа американских компаний к китайскому рынку услуг, финансов и страхования — сферам, весьма чувствительным для Пекина. Кроме того, у американцев есть претензии к китайской стороне по поводу соблюдения прав интеллектуальной собственности, искусственного ослабления курса юаня, обеспечения свободы судоходства в Южно-Китайском море и по ряду других вопросов. Но приоритетное место среди остро актуальных тем заняла сегодня проблема Северной Кореи.

Хотя за семь месяцев после встречи руководителей двух стран во Флориде американо-китайские отношения порою накалялись почти до предела, стоит отметить, что именно Д. Трамп стал первым главой иностранного государства, позвонившим Си Цзиньпину после XIX съезда, чтобы поздравить его с переизбранием на должность генерального секретаря ЦК КПК. Случай поистине беспрецедентный!

Перед поездкой в Азию Трамп выразил удовлетворение тем, что Пекин начал усиливать экономическое давление на Пхеньян: закрывать свою банковскую систему для Северной Кореи и ограничивать поставки нефти в КНДР. Американские спецслужбы, однако, полагают, что Китай рассчитывает сохранять Северную Корею в качестве буферной зоны, умышленно затягивая решение вопроса о ее денуклеаризации.

В разведсообществе США озабочены тем, что опасения Америки в отношении России отвлекают ее от той угрозы, которую представляет для нее Китай. Прежде всего, ставится под сомнение главный постулат американской политики в отношении КНР, гласящий, что торговля и контакты с Китаем якобы породят политические реформы в этой стране.

В вину Пекину вменяется подрыв установленного США мирового порядка, обеспечивавшего стабильность в Азии на протяжении последних 40 лет, включая переход к политике оказания давления в вопросе о Южно-Китайском море. Отмечается, что если в прошлом КНР ограничивала концепцию своих национальных интересов защитой правления компартии и восстановлением контроля над Тайванем, то сегодня они простираются гораздо шире.

Все перечисленное звучит вызовом тем планам, которые намечены в докладе Си Цзиньпина по поводу переустройства международного порядка к середине текущего века. Однако американо-китайское военное столкновение спецслужбами США пока не прогнозируется, и, в отличие от некоторых политологов, представители американского разведсообщества не считают, что такой сценарий является предопределенным. При этом они исходят из того, что Китай не пытается конфликтовать с США или другими странами и стремится поддерживать стабильные связи с Вашингтоном.

Намерения сторон более рельефно и отчетливо проявились в ходе состоявшегося 8–10 ноября 2017 г. официального визита Д.Трампа в КНР, к которому оба лидера приближались далеко не в одинаковом психологическом состоянии. Си — в эйфории властного величия после успешно проведенного съезда, поддержавшего все его замыслы; Д. Трамп — изнуренный нагнетаемой СМИ неприязнью к нему как президенту со стороны значительного сегмента избирателей и афронтом, демонстрируемым как законодателями на Капитолийском холме, так и частью Республиканской партии, к которой он сам принадлежит.

К тому же мировое лидерство США по существу оказалось в кризисе, в то время как Китай укрепил свое влияние. В силу этих причин большинство наблюдателей считали, что «командовать парадом», очевидно, будет Си Цзиньпин. Одновременно высказывались предположения, что особо торжественный прием, готовившийся для Трампа, якобы нацелен исключительно на то, чтобы «манипулировать его настроением», воспользовавшись его «любовью к мгновенным успехам», и создать условия для демонстрации немедленных результатов, ограничившись несколькими соглашениями вместо решения давних проблем в двусторонних отношениях.

По стечению обстоятельств Д. Трамп стал первым иностранным лидером, посетившим Пекин после переизбрания Си генсеком. А прибытие американского президента в КНР лишь десять месяцев спустя после инаугурации и всего через семь месяцев после первой встречи с китайским руководителем в США было воспринято в Китае не только как знак важности отношений двух стран, но и как свидетельство глубокой заинтересованности Вашингтона в сохранении и упрочении американо-китайских связей.

«Китайско-американские отношения находятся на новом историческом старте. Китай готов вместе с США стремиться к взаимоуважению и взаимной выгоде, фокусировать внимание на сотрудничестве, регулировать и контролировать разногласия», — заявил Си Цзиньпин, встречая американского гостя. «Не существует более важных тем, чем американо-китайские отношения», — ответил ему на переговорах Трамп. — Мы обладаем способностью решать мировые проблемы на долгие годы вперед».

Главными темами переговоров, безусловно, стали двусторонняя торговля и северо-корейская проблема. По признанию большинства наблюдателей, ни по одной из них радикального прорыва достигнуто не было. По словам госсекретаря США Р. Тиллерсона, не-

смотря на многочасовые переговоры, в торговом вопросе удалось добиться немного. И Соединенным Штатам пришлось «донести до китайских властей свое недовольство темпами прогресса». Чтобы итоговая сумма — 28 подписанных торговых соглашений (253 млрд долл.) выглядела внушительнее, в нее включили не только прямые сделки и контракты, но и меморандумы о намерениях (порядка 15), реализация которых может вовсе не состояться. Хотя Пекин пошел на некоторое увеличение импорта из США, предполагается, что это было запланировано китайской стороной еще до приезда американского президента.

Попытки Трампа убедить Китай еще больше увеличить давление на Пхеньян оказались тщетными. Си Цзиньпин настоял на том, что «потребуется время, чтобы свою эффективность продемонстрировали недавно введенные против КНДР санкции». В то же время китайские эксперты полагают, что никакое ужесточение санкций не приведет к отказу Северной Кореи от ядерного оружия. Победой Пекина можно считать и то, что на переговорах так и не были затронуты ситуация в Южно-Китайском море, вопросы прав человека и свободы СМИ в КНР.

Что касается России, то напряженность в американо-китайских отношениях, очевидно, была бы ей на руку. Однако этого не произошло. На данный момент отношения между США и КНР намного лучше, чем российско-американские связи, и Соединенные Штаты по существу преуспели в том, чтобы несколько отдалить Китай от России. В результате недавних китайско-американских контактов заметно ослабло глобальное влияние тройственной стратегической связки США — КНР — РФ. Наряду с геополитическими выпадами, США разворачивают против РФ экономическое наступление с целью ограничить ее возможности как экспортера энергоресурсов. Свидетельство тому — объявленная ими газовая сделка с Китаем. С другой стороны, конкурентная борьба — неотъемлемый атрибут мирового рынка.

В свете всего вышесказанного необходимо избавиться от двух главных иллюзий, мешающих развитию отношений между РФ и Китаем: а) о якобы взаимозависимости экономик РФ и КНР и б) о реальности перспектив формирования военного союза между Россией и Китаем.

С учетом ситуации в КНР, сложившейся после XIX съезда КПК, нецелесообразно следовать рекомендациям ряда СМИ, которые рассматривают отношения внутри КПК и связи КНР с внешним миром через призму противоборства так называемых антиглобалистов — сторонников слома существующего мирового порядка — с «глобалистами», то есть теми, кто ратует за сохранение действующей системы организации мировой архитектоники. Даже если такая борьба и ведется, принятую в Китае практику «переходить реку вброд, ощупывая камни» никто не отменял. Поэтому в ходе реализации принятых съездом решений, включая внешнеполитические, возможны различные, самые неожиданные корректировки.

В любом случае, проблемы и ограниченные экономические возможности России невольно ставят ее в подчиненное и зависимое от КНР положение. И только реформирование экономики и реальная, а не фиктивная консолидация политических элит на пространстве бывшего СССР/СНГ могут способствовать изменению существующего положения.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем основные моменты сложившейся ситуации:

– Отношения между КНР и США — двумя ведущими экономическими державами — являются на данный момент действительно одними из важнейших в мире. России следует принять это как данность и сделать для себя соответствующие выводы.

– Новый исторический старт китайско-американских отношений, упомянутый Си Цзиньпином, означает вступление их в качественно иной этап, характеризующийся не только достижением КНР экономического паритета с США, но повышением геополитического влияния.

тического статуса Китая, его официальной претензией на роль ведущей мировой державы и реализацию планов по созданию нового мирового порядка.

– Переживаемый США внешний кризис состоит в ослаблении их связей с рядом традиционных союзников — европейскими, латиноамериканскими и ближневосточными странами, в намеренном выходе из некоторых международных и региональных структур и объединений, в неприятии их нового лидера в странах, расположенных на разных континентах. Внутриполитический кризис в США характеризуется противостоянием президента Д. Трампа с большинством американских СМИ, членами конгресса США, с частью членов Республиканской партии, недовольством его действиями некоторых слоев населения. Все это не может в итоге не отразиться на взаимоотношениях Америки с ведущими странами мира, в том числе с КНР и Россией.

– Главным соперником США на мировой арене потенциально остается Китай, и ужесточение борьбы между ними за сферы влияния еще впереди. Употребленный Трампом термин «Индо-Тихоокеанский регион» свидетельствует о возможных планах включения Соединенными Штатами враждебной Китаю Индии в грядущие геополитические «разборки», если продолжится вытеснение США из АТР и Восточной Азии.

– Заявленные на XIX съезде КПК планы КНР по переустройству мирового порядка в случае отсутствия договоренности с США о размежевании сфер интересов чреваты обострением китайско-американских противоречий, очередным кризисом в двусторонних отношениях и расширением конфликтного пространства.

– России в сложившейся ситуации следует вести себя осмотрительно и осторожно, занять позицию лавирования и стараться избежать дальнейшего обострения отношений с США. Возможно, следует попытаться настроить Китай на более активные совместные действия, в том числе и с США, на северокорейском направлении. Нужно пытаться диверсифицировать наше геополитическое влияние, наращивая его не только на Ближнем Востоке, где большинство режимов, как известно, достаточно коррумпированы, но и в других регионах, включая Африку и Латинскую Америку (первоначально хотя бы через каналы БРИКС).

А.В. Островский, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН:

Китай встретил XIX съезд КПК огромными успехами проводимых в стране на протяжении 40 лет экономических реформ. Быстрое и стабильное развитие экономики КНР выражалось в высоких темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП), промышленности и сельского хозяйства.

За последние годы объем ВВП вырос с 54 до 80 трлн юаней (с 8,2 до 12,2 трлн долл). По этому показателю (при пересчете на американские доллары) Китай занимает 2-е место в мире после США и обеспечивает до 30% вклада в мировую экономику. При сравнении Китая и Индии, которые в начале 1980-х годов находились на одном уровне, в настоящее время КНР опережает Индию уже в 5 раз. Экономика России, которая 25 лет назад по своим масштабам была больше китайской, в настоящее время составляет 1/7 часть экономики КНР.

В то время как мировая экономика периодически попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. На фоне других стран мира она развивается более быстрыми темпами и является своеобразным «буксиром» для мировой экономики.

Особенно хорошо это заметно при сравнении темпов роста экономик КНР и США. Так, во втором квартале 2017 г. темпы роста экономики КНР в 6,9% более чем втрое опередили темпы роста экономики США, составившие 2,1%. Такая же сравнительная динамика прироста ВВП США и КНР прослеживается на протяжении двух последних лет.

Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли: первое по объему экспорта и второе по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном рынке, а китайский юань вошел в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной.

В социально-экономической сфере Китай также добился заметных успехов. Большая часть населения КНР — 57,35% — уже превратилась в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень городского и сельского населения, причем не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформ, но и с 2000 г. — началом XXI века. По показателю средней заработной платы рабочих и служащих в городах на конец 2016 г. (примерно 4000 юаней, или 40 тыс. рублей в месяц, с учетом внутренних цен) Китай уже обогнал Россию (около 30 тыс. рублей в месяц). Большая часть городского и сельского населения Китая охвачена различными системами социального страхования: пенсионным обеспечением, различными формами медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. К значимым достижениям было отнесено и то, что свыше 60 млн человек были «вырваны» из бедности, и доля бедных с годовым доходом ниже 2300 юаней на человека сократилась с 10,2% до 4% населения.

Вместе с тем в отчетном докладе отмечались многочисленные проблемы, имеющиеся на пути построения общества «малого благоденствия». Как и на XVIII съезде КПК, отмечалась проблема неравномерности развития страны, отсутствие сбалансированности, нестабильность. Обращалось внимание на недостаточный научно-технический потенциал, нерациональную структуру производства, недостаток природных ресурсов для быстрого развития экономики, наличие большого количества институциональных преград, ограничивающих развитие науки.

Много внимания на съезде было уделено обостряющимся в ходе реформы социальным проблемам. Хотя в отчетном докладе было отмечено, что в последние пять лет в среднем создавалось 13 млн новых рабочих мест в год и произошел заметный рост охваченного пенсионным и медицинским страхованием населения, в стране по-прежнему растет разрыв в доходах между различными его слоями и группами, городом и деревней. По-прежнему существует неравный доступ разных слоев населения к разнообразным общественным услугам — образованию, здравоохранению, дешевому жилью.

Ряд экспертов предполагал, что на съезде будут внесены существенные корректировки в проведение политического и экономического курса китайского руководства, направленные на большую либерализацию экономической и политической жизни в целях более тесной интеграции с мировой экономикой. Однако КПК в очередной раз подтвердила приверженность «социализму с китайской спецификой».

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, состоявшем из 14 разделов, была выделена и подтверждена ближайшая основная задача КПК — построение к 2020 г. общества «малого благоденствия» (*сяокан шэжун*), которая может быть реализована только на путях социализма с китайской спецификой. Были намечены основные задачи развития страны до середины XXI века. Заявлено, что «с 2020 г. до середины нынешнего века Китай должен пройти два этапа развития. На первом этапе — в 2020–2035 гг. — полностью завершить социалистическую модернизацию на основе построения общества «малого благоденствия», на втором этапе — с 2035 г. до середины века построить богатую и могучую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую модернизированную державу».

XIX съезд КПК наметил основные направления работы в области социально-экономического развития страны. Как отметил в своем докладе Си Цзиньпин, в Китае откладываются от планирования социально-экономического развития по основным цифро-

вым показателям и будут обращать внимание не на количественные, а на качественные показатели экономики, в основу которых заложено повышение качества жизни народа. Си Цзиньпин подчеркнул, что «принципиальные противоречия заложены в разрыве между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, то есть между несбалансированным и неравномерным развитием и все растущими потребностями населения».

В разделе 5 отчетного доклада были выделены те основные направления социально-экономического развития страны, на которые будет обращено внимание КПК. Главным из них определено углубление структурной реформы соотношения спроса и предложения и развитие «реальной экономики» (*шити цзинцзи*), реального натурального производства продукции в противовес так называемой фиктивной экономике (*суйни цзинцзи*), то есть производству различных финансовых инструментов, таких, как векселя, чеки, акции, облигации, деривативы, криптовалюта и др.

Как и на предыдущем XVIII съезде, большое внимание было уделено развитию инноваций, так как Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения, и экономический рост уже не может быть достигнут за счет привлечения на производство большого количества рабочей силы. В этом случае предусматривается опора на выдвинутую еще на XVII съезде КПК «концепцию научного развития» (*кэсюе фацжань гуань*), которая обосновывала необходимость перехода от экстенсивных методов экономического развития к интенсивным, что предполагало повышение роли науки и техники и развитие инноваций. «Концепция научного развития» предусматривает также отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливым распределении его результатов между различными группами населения и регионами страны.

Для реализации амбициозных планов по ускорению совершенствования социалистической рыночной экономики и экономических перемен в отчетном докладе Си Цзиньпина был намечен комплекс мер, в основу которых положена новая концепция регионального экономического развития, направленная на совершенствование координации между четырьмя основными регионами Китая — приморскими районами, Северо-Востоком, центральными районами и западными районами. В докладе отмечалась необходимость укреплять западные районы, «старую промышленную базу» на Северо-Востоке, повышать роль центральных районов, сделать восточные приморские районы ведущими в инновационной экономике, наладить механизм регулирования и координирования между регионами.

Было объявлено о продолжении намеченной ранее стратегии развития китайской деревни, которая направлена на решение «трех сельских вопросов»: проблем крестьянства, села и сельского хозяйства в целом. Основным звеном в решении этих проблем является вопрос о системе землепользования — ключевой в обеспечении населения продуктами питания в целом и зерном в частности. Было предложено перейти на второй этап развития системы земельного подряда (*туди чэнбао*) и продлить до 30 лет сроки аренды земли при стимулировании крестьян вступать в различного рода кооперационные связи на селе.

Большое внимание в докладе было уделено вопросу о совершенствовании рыночной экономики. При этом во главу угла были поставлены две проблемы — совершенствование системы имущественных прав (*ваньшань чаньцяоань чжиду*) и использование рыночных механизмов для развития экономики, таких, как управление финансами и ресурсами. Еще одним важным моментом стал пункт о дальнейшем продвижении «открытости» (*кайфан*) в экономике, в центре которой должна стоять реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь».

Особое место в отчетном докладе было отведено проблемам повышения жизненного уровня населения КНР. Было выделено семь основных направлений решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедностью; 5) развитие системы общественного здравоохранения; 6) обеспечение равного доступа населения к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения.

Пункт 9 в отчетном докладе посвящен проблемам охраны окружающей среды. Упор в нем сделан на «цивилизованное формирование» окружающей среды (*шэнтай вэньмин цзяньшэ*), поскольку на протяжении многих лет в Китае постоянно ухудшается ее состояние в результате быстрого роста промышленного производства и повышенных затрат материальных ресурсов на единицу произведенной продукции. Было выделено четыре направления работы по охране окружающей среды: 1) развитие «зеленой экономики», то есть улучшение состояния почвы, воздуха и воды; 2) экономия природных ресурсов; 3) защита природных экологических систем и окружающей среды; 4) укрепление институциональной системы, нацеленной на охрану окружающей среды.

Как показал XIX съезд КПК, в целом Китай достиг больших успехов в социально-экономическом развитии на основе модели развития социализма, а именно — марксизма-ленинизма, обогащенного идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, концепциями «трех представительств» Цзян Цзэминя и «научного развития» Ху Цзиньтао и идей Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой в новом веке».

М.В. Александрова, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН:

Каковы новые возможности, открывающиеся перед российским экспортом в КНР в свете выступления Си Цзиньпина на XIX съезде КПК? Стоит обратить внимание на два вопроса: продовольственная безопасность и «зелёное развитие». По сути, это одна проблема — потребление безопасного (незагрязненного) продовольствия. Даже если на протяжении предстоящих пяти лет КНР будет уделять должное внимание этой проблеме, то в связи со сложившейся объективной реальностью экологически чистая продукция китайского производства будет минимальна в корзине среднестатистического потребителя. Это связано со следующими причинами: около 20% китайской пашни загрязнено тяжелыми металлами, такими, как ртуть, мышьяк, кадмий и свинец; значительная часть рек КНР серьезно загрязнена и практически слабо пригодна для использования в сельском хозяйстве. Официально признается, что 3,3 млн га пахотной земли в Китае утеряно безвозвратно в силу непригодности для выращивания сельскохозяйственных культур из-за загрязнения промышленными отходами и пестицидами. По мнению китайских экспертов, снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения становится общенациональной проблемой. Только 30% удобрений и пестицидов используются эффективно, остальные 70% наносят непоправимый ущерб окружающей среде.

Россия может прийти на «выручку» южному соседу. Пока роль нашей страны в китайском продовольственном импорте невысока, хотя существуют объективные предпосылки для наращивания экспорта: близость к госгранице, привлекательные цены, вызванные девальвацией рубля, и уже закрепившийся в китайском сознании статус российской пищевой продукции как экологически чистой.

1 ноября 2017 г. в Пекине были подписаны протоколы с Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину КНР о фитосанитарных требованиях к пшенице, гречихе, овсу, семенам подсолнечника и масличного льна, экспортируемым из России в Китай. Подписание указанных протоколов будет способство-

вать значительному увеличению экспортных поставок зерна и продуктов его переработки на рынок КНР.

К сожалению, Россия осуществляет, в основном, экспорт сырых продуктов, а не продуктов глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью. В результате доходность от экспортной деятельности невелика. Конечно, некоторые меры в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» должны повлиять на изменение ситуации. Так, долгие годы составы поездов, прибывающих в европейскую часть России из КНР, уходили обратно пустые. Столь нерентабельная логистика была тягостна для всех, но прежде всего для РЖД. С 2017 г. компания «РЖД Логистика» совместно с китайскими партнерами запустила контейнерные поезда по направлениям: Ворсино (Калужская обл.) — Далянь — Ворсино и Ворсино (Калужская обл.) — Чэнду (пров. Сычуань) — Ворсино (через Монголию).

Данные маршруты дают уникальные преимущества клиентам, которые ведут торговые отношения с Китаем. Время доставки грузов сокращается до 14–16 дней (при доставке морем оно составляет от 40 до 60 дней). В то же время стоимость доставки железнодорожным транспортом по данным маршрутам близка к цене доставки морем.

Тем не менее даже несмотря на такие позитивные подвижки, в ближайшие 5–10 лет доля сельскохозяйственной и пищевой продукции в экспорте России в КНР вряд ли преодолеет планку в 10%. Подобный вывод связан с объективными факторами и, прежде всего, с жесткой конкуренцией на китайском пищевом рынке.

Как и прежде, российский экспорт будет представлен в первую очередь продукцией ТЭК с минимальной добавленной стоимостью. Можно предположить, что при сохранении современных тенденций доля продукции ТЭК будет лишь возрастать, а продукции с высокой добавленной стоимостью — снижаться. Данная ситуация будет связана со строительством газопровода «Сила Сибири» и китайским интересом к российским углям.

Печально констатировать, что рост в российском экспорте в Китай доли машинотехнической продукции, которая за 8 месяцев текущего года преодолела планку в 7% всего экспорта, является временным явлением. Он объясняется тем, что в 2017 г. выполнялись очередные отгрузки оборудования для Тяньваньской АЭС, а также исполнялись контракты по линии ВТС. Если в ближайшие 1–2 года между нашими странами не будет подписано новых серьезных госконтрактов, то даже привычной доли машинотехнической продукции в 1,5–2% в российском экспорте будет сложно достигнуть.

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде говорилось о важности для Китая «выхода вовне». В период между XVIII и XIX съездами китайские госкомпании осуществили несколько серьезных покупок в РФ, среди которых следует выделить: покупку компаний CNPC и Фондом Шелкового пути доли в «Ямал-СПГ», вхождение Sinopec Group в капитал ПАО «Сибур Холдинг» в качестве стратегического инвестора, приобретение 20-процентной доли «дочки» «Роснефти» ПАО «Верхнечонскнефтегаз» китайскими компаниями Beijing Enterprises и Beijing Gas Group Company Limited.

Если оценивать все китайские приобретения с 2013 г. по настоящее время, то сумма вложенного капитала составит порядка 5 млрд долл., но это только часть крупных сделок. Официальная статистика двух государств приводит иные данные.

По данным ГСУ КНР, объем китайских накопленных инвестиций в российскую экономику на первое полугодие 2016 г. составлял 8,963 млрд долл. При этом китайские высокие должностные лица озвучивают иные цифры и постоянно в них путаются. Так, представитель Министерства коммерции КНР Шэнь Даньян в январе 2016 г. говорил о том, что объем китайских накопленных инвестиций в России составляет 34 млрд долларов. В декабре 2016 г. он же заявил как о «ярком моменте» 2016 г. — о превышении объема накопленных инвестиций в 14 млрд долл. (в два с лишним раза меньше). А всего

через два месяца (в феврале 2017 г.) его непосредственный начальник — министр коммерции КНР Гао Хучэн — говорил о накопленных китайских инвестициях в России в объеме 42 млрд долларов.

С российской стороны ситуация также неоднозначна. По данным ЦБ РФ на 1 апреля 2017 г., общий объем прямых накопленных инвестиций из Китая составил 2,95 млрд долл., из которых 1,02 млрд относятся к участию в капитале компаний. При этом экс-заместитель министра экономического развития России С. Воскресенский в первой половине 2017 г. заявлял о том, что в стадии реализации находятся 17 совместных проектов на 15 млрд долл., начатые в последние годы, причем в эту цифру не входят крупные сделки, связанные с китайскими инвестициями в стратегически важные компании ТЭК. Он не конкретизировал свое высказывание, но при доскональном изучении потенциальных проектов китайской стороны в России обнаруживается лишь одна серьезная сделка в Архангельской области, где планируют реализовать проект строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» (Соликамск (Пермь) — Сыктывкар — Архангельск) с общим объемом капитальных затрат 225 млрд рублей (порядка 4 млрд долл.)

Большую путаницу в данные о китайских инвестициях вносит Министерство по развитию Дальнего Востока. Так, в интервью газете «Известия» в январе 2017 г. министр А. Галушка отметил, что «на Дальнем Востоке [сотрудничество] развивается весьма активно — реализуется 23 проекта с привлечением инвестиций из Китая на общую сумму около 3 млрд долл.» А в декабре 2016 г. он же говорил о том, что «из общего объема инвестиций приходится более 14% на КНР» (почти вдвое меньше). При этом не пояснял, о каких инвестициях идет речь — о всех или ПИИ. В октябре 2016 г. тот же министр говорил о 21 проекте с участием инвесторов из КНР с объемом инвестиций более 180 млрд руб.

В реальности в перечне заявок иностранных компаний в ТОР за китайскими инвесторами числится 13 заявок с планируемым объемом инвестиций 152,7 млрд руб. В СПВ заявок с участием китайских компаний — 8, планируемые инвестиции — порядка 3,817 млрд руб. Итого в ТОРы и СПВ китайские инвесторы намерены вложить 2,7 млрд, а не 3 млрд долл.

В последние годы китайские околोकриминальные структуры агрессивно внедряются в туристическую отрасль РФ, прежде всего с целью захвата рынка и извлечения максимальной прибыли без уплаты предусмотренных российским законодательством официальных налогов.

Существует несколько методов работы таких китайских структур. Первый — навязывание российским турфирмам неравноправных контрактных условий, заставляющих их работать в долг.

Второй, более распространенной формой стала работа российских фирм в качестве «прокладок», когда генеральным директором и бухгалтером фирмы являются лица с российским гражданством, а 100-процентным капиталом фирмы реально владеет гражданин КНР, в результате чего формально фирма остается российской и входит в обязательном порядке в Список российских туристических организаций, имеющих право осуществлять деятельность в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 года, а в реальности под ее прикрытием работают китайские полукриминальные структуры. Эта схема стала особенно популярной с 2014 г., о чем наглядно говорит статистика.

В настоящее время ситуация, сложившаяся на туристском рынке России, не позволяет в полной мере развивать китайский въездной туризм благоприятным образом, поскольку из-за широкого распространения теневого (нелегального) сегмента почти вся получаемая прибыль от поездки граждан КНР в нашу страну выводится за ее пределы без

уплаты каких-либо налогов и сборов. Причиной такой ситуации является несовершенство законодательства в данной отрасли и отсутствие законных механизмов защиты интересов российских честных туристических фирм и лицензированных гидов-китаистов.

Прием китайских туристов — крайне проблемное направление, требующее пристального внимания и серьезной работы по регулированию и дальнейшему совершенствованию механизма взаимодействия. Одним из первоочередных является вопрос подготовки кадров.

Граждане КНР, работающие в качестве нелегальных гидов (*хэйдэо*) с группами китайских туристов в России, нарушают российское законодательство. При попустительстве российских ответственных федеральных госорганов они создают этнические криминальные структуры, обслуживающие туристов, прибывающих из КНР.

После подписания в феврале 2000 г. между правительствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики соглашения о безвизовых групповых туристических поездках количество нелегальных китайских турфирм стало стремительно расти. 17 лет спустя после подписания этого соглашения порядка 85–90% въездных безвизовых туристов оказалось в руках китайского криминала. Этот вопрос выходит далеко за пределы бизнес-интересов, он касается национальной безопасности РФ.

Однако самая опасная угроза на рынке китайского въездного туризма связана с недопуском российских профессиональных гидов-китаистов к работе с безвизовыми тургруппами из КНР.

Сегодня в РФ не существует проблемы недостатка китаистов. Специалистов с прекрасным знанием китайского языка ежегодно выпускают Институт стран Азии и Африки при МГУ, СПбГУ, ДВФУ, МГИМО, Лингвистический университет, Университет Дружбы народов и др. Профессией гидов овладевают и выпускники некоторых курсов по изучению китайского языка. В 2016 г. в основных туристических центрах России, принимающих китайских туристов, подготовлено гидов-переводчиков с китайским языком: в Санкт-Петербурге — 300, по 120–130 гидов в Москве, Иркутске, Владивостоке.

Наличие достаточного числа местных гидов, говорящих по-китайски, уникально для европейских стран, поскольку только в России налажена массовая подготовка специалистов в этой области. Однако, несмотря на более чем двукратный прирост китайских туристов, многие высококвалифицированные специалисты остались без работы, которую отнимают у них гиды-«нелегалы» (*хэйдэо*).

Помимо жесткой конкуренции на рынке труда, которую создают *хэйдэо*, главная опасность — это содержание турпродукта, который они предлагают гостям из Поднебесной. Китайский нелегальный гид вместо реального турпродукта преподносит гостям дезинформацию о нашей стране. При этом негативная и унижительная для России и россиян информация, которую сообщают *хэйдэо*, не является плодом их индивидуального воображения. Многие характеристики, которые используются китайцами для рассказа о нашей стране, повторяются практически всеми нелегалами. Поэтому не следует доверять утверждениям некоторых китайских начальников «от туризма» о практической равноценности информации о России, которую сообщают туристам «гиды»-китайцы и российские аккредитованные гиды, о доброжелательном подходе китайских гидов к нашей стране.

То, что в КНР существуют оценки России и россиян «для внутреннего пользования», идущие из «вышестоящих инстанций», китайских учебников по истории и определенных китайских СМИ, секретом не является. Современное представление китайцев о нашей стране формировалось в течение длительного времени в определенных исторических условиях, в том числе в период сильной России и униженного полуколониального Китая XVIII—XIX веков.

А.С. Исаев, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН:

В отчетном докладе генсека ЦК КПК Си Цзиньпина съезду констатируется «значительный рост» воздействия «мягкой силы» Китая и влияния китайской культуры. Выстроена четкая логика для дальнейшего диалога с внешним миром.

Самое важное заключается в реализации, как подчеркивалось в отчетном докладе, главной задачи: на основе «открытого, инновационного, инклюзивного и взаимовыгодного развития содействовать межкультурным обменам». Такой подход к межкультурному, гуманитарному общению на международной арене позволил заявить о том, что «Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант решения проблем человечества».

Российско-китайское взаимодействие в гуманитарной сфере к настоящему времени приобрело системный характер. Межкультурные связи охватывают практически все гуманитарные сферы и стали важным элементом публичной дипломатии, которую обе страны проводят по отношению друг к другу.

В основе современного российско-китайского культурного сотрудничества лежит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 17 июля 2001 г.

Практическую основу современных российско-китайских культурных связей определяют несколько позиций:

Во-первых, межгосударственное сотрудничество. Оно носит плановый характер, проводимые акции отличаются масштабностью и широким охватом, а сами мероприятия реализуются при государственной поддержке.

Во-вторых, межрегиональное культурное взаимодействие. Оно регламентируется соответствующими соглашениями, заключаемыми между российскими и китайскими регионами, а также городами-побратимами.

Третьим компонентом являются двусторонние неправительственные институты, сформированные по решению руководства двух стран и ориентированные на стимулирование контактов в гуманитарных и экономических областях. К таким организациям следует отнести Российско-китайский комитет мира, дружбы и развития, Российско-китайский деловой совет и ряд других.

Четвертым компонентом практической реализации задач гуманитарного диалога и сотрудничества стали общественные и иные учреждения и институты, созданные Россией и Китаем на территориях друг друга, к которым следует отнести центры национальных культур, общества дружбы, информационные центры, образовательные учреждения, включая Центры изучения русского языка в Китае и Институты Конфуция в России.

В РФ работает 18 Институты Конфуция и четыре класса Конфуция, которые, благодаря своим финансовым возможностям охватывают практически всю территорию РФ. В Китае работает 11 Русских центров и Кабинетов «Русского мира», однако их финансовые возможности несоизмеримо скромнее китайских.

Вместе с тем следует признать, что несмотря на весьма внушительные организационные и технические возможности уровень современного воздействия на характер и масштабы положительного восприятия России в Китае заметно ниже, чем в 1950-е годы, когда не было ныне действующих структур и инструментов по поддержанию гуманитарного диалога.

Важную роль в диалоге, который ведут Россия и Китай, играет *сотрудничество в области образования*.

В настоящее время в России ежегодно обучается более 20 тыс. китайских студентов. В планах китайской стороны довести их численность до 35–40 тыс. человек. В КНР получают высшее образование порядка 10 тыс. россиян. Это весьма неплохие показатели для двух стран, ведь за весь период с 1948 по 1966 г. в СССР было подготовлено

около 25 тыс. китайских специалистов, и несколько тысяч советских студентов прошли обучение китайскому языку и китайской медицине в вузах КНР.

Создана правовая база для развития образовательного сотрудничества: межправительственные соглашения о культурном сотрудничестве, о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях, об изучении русского языка в КНР и китайского в РФ, Соглашение о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г.

Активизировалось преподавание русского языка в Китае и китайского — в России. Русский язык изучается примерно в 200 китайских учебных заведениях. Распространение китайского языка в России финансово и организационно стимулируется китайской стороной, прежде всего Канцелярией по развитию Институтов Конфуция при Госсовете КНР. В мае 2017 г. при финансовой поддержке Посольства КНР в России был проведен 5-й конкурс на лучшее знание китайского языка среди учащихся российских средних школ.

С 2017 г. в Шэньчжэне начал работу Совместный российско-китайский университет, созданный на базе МГУ.

В перспективе на базе Московского университета или при его участии планируется открыть инновационный Центр «Дельта Жемчужной реки». Российские и шанхайские ВУЗы объявили о сотрудничестве в подготовке специалистов для космической отрасли. Аналогичное сотрудничество развивается и в сфере подготовки молодых ученых РФ и КНР для участия в реализации совместного проекта по созданию широкофюзеляжного самолета.

Активно развиваются научные связи. Установлены практические контакты между Академиями наук РФ и КНР. ИДВ РАН имеет соглашения о сотрудничестве примерно с 80 исследовательскими центрами и университетами КНР. Осуществляются практические связи по линии учреждений, занимающихся разработками в области естественных наук, развиваются контакты экспертных сообществ в сфере политологии.

В сфере здравоохранения летом 2017 г. в Шанхае было подписано Соглашение о создании Центра российско-китайского биомедицинского сотрудничества. В конце 2016 г. представители Северо-Западного федерального медицинского исследовательского центра (СЗФМИЦ) им. В.А. Алмазова, Шанхайского комитета по экономике и информатизации и Шанхайской ассоциации промышленной биомедицины договорились в Санкт-Петербурге о совместной деятельности. В 2003 г. в городе Дацин на Северо-Востоке КНР был создан Российско-китайский офтальмологический центр с участием известнейшей в мире МНТК «Микрохирургия глаза» им. академика С.Н. Федорова.

Сложнее обстоят дела на российском рынке медицинских услуг с китайской традиционной медициной, которая сегодня превратилась в товар. В России работает целый ряд как легальных, так и «серых» китайских медицинских центров, нередко без соответствующих документов и лицензий, необходимых для медицинской практики, а получаемые доходы выводятся из-под налогообложения. Тем не менее в России формируется Ассоциация китайской традиционной медицины (в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте в Москве), а в сентябре 2017 г. состоялся Всероссийский форум специалистов в области традиционной китайской медицины.

Сотрудничество СМИ внешне развивается успешно. Только в 2016–2017 гг., объявленных Годом сотрудничества СМИ, проведено более 200 официальных мероприятий. Есть достижения — начало вещания в КНР кабельного телеканала «Катюша» и др.

Наметились подвижки **в кинематографической сфере**. До недавнего времени сотрудничество в области кино продвигалось благодаря административному вмешательству. Сегодня установление прямых творческих контактов способствовало не только тому, что ежегодно в китайский прокат попадает 3–4 российских фильма, но и прямому творческому

сотрудничеству кинематографистов двух стран при одновременном финансировании кинопроектов из китайских источников. Сегодня кино — это форма бизнеса, возможность вести предпринимательскую деятельность. Китайский кинобизнес в лице корпорации «Далянь ваньда» пока не проявляет интереса к российским кинопрокатным сетям, хотя корейские бизнесмены уже вкладывают свои деньги в эту отрасль в России, и южнокорейский кинобизнес приступил к приобретению у нас отдельных прокатных сетей.

Важнейшим элементом «мягкой силы» является такая сфера сотрудничества, как *туристическая отрасль*. Поток китайских туристов ежегодно растет, и третий год подряд число туристов из КНР в Россию превышает 1 млн человек. В прошлом году с туристическими целями в Россию въехало более 1,2 млн китайцев, из них свыше 800 тыс. человек в рамках безвизового туризма. По оценочным данным, в 2017 г. этот показатель будет превышен.

Одним из стимулов привлечения китайских туристов является дешевизна российских туров. Однако препятствиями на этом пути остаются слаборазвитая туристическая инфраструктура, еще только формирующееся гостиничное хозяйство, недостаток квалифицированных гидов-переводчиков, резкая активизация теневого турбизнеса и серых схем.

В туристической отрасли возник серьезный конфликт экономических интересов между российскими и китайскими туроператорами.

При участии китайских бизнесменов и вошедших с ними в деловой стговор российских предпринимателей в отрасли сформировалась так называемая серая зона, которая негативно влияет на бюджеты турфирм и получение ими доходов, генерирует непрофессиональные, а порою — вредные для имиджа России туристические услуги «серых» китайских турфирм с привлечением непрофессиональных гидов-переводчиков из числа китайских студентов.

В результате их «деятельности» у туристов из КНР складывается абсолютно искаженный образ современной России и ее истории.

Эту проблему сегодня пытаются решить. А пока, по неофициальным оценкам, до 70% тургрупп из Поднебесной обслуживаются китайскими экскурсоводами.

Туризм может приносить России серьезную прибыль, однако этого не происходит по причине наличия теневых фирм. Схема их работы проста: китайские туроператоры, нередко находящиеся в черных списках внутри КНР, формируют группы туристов, ориентированных на дешевые услуги, получают оплату в юанях и отправляют эти группы в РФ своим китайским или российским партнерам. Получается, что прием китайских туристов в России ведется силами все той же отправляющей стороны. Партнеры в России максимально сбивают цены на услуги и расплачиваются рублями, часто навязывают дополнительные услуги, например, покупки сувенирной продукции и других товаров по завышенным ценам.

В результате таких действий выручка остается в Китае, «партнерские фирмы» в РФ отчитываются перед налоговыми органами нулевыми балансами и не платят налогов, а увеличение турпотока не идет на пользу развитию российской туриндустрии.

Российско-китайский гуманитарный диалог находится под воздействием целого ряда факторов, которые в ближайшем будущем будут определять его результативность.

Во-первых, развитие общественно-культурных связей требует не только значительных интеллектуальных и организационных усилий, но и серьезных финансовых затрат. Однако многоцелевой и многовекторный характер публичного диалога и гуманитарных контактов двух стран ведет к тому, что при организации культурных обменов друг с другом по государственной линии обе страны исходят из приоритетности своих внешнеполитических задач. На XIX съезде КПК эти приоритеты уже выстроены,

и именно они будут определять результативность китайского гуманитарного диалога с остальным миром.

Во-вторых, сдерживающее влияние на развитие культурных контактов двух стран оказывает вестернизация культурной сферы. Эта проблема одинаково стоит как перед Россией, так и перед Китаем. Под ее воздействием оказались российская и китайская молодежные субкультуры, а также такие отрасли, как кинематограф, издательская деятельность и другие.

В-третьих, существующие в России культурные традиции и социальная обстановка пока не позволяют общественному мнению уделять достаточное внимание культурным обменам с Китаем. В силу самых разнообразных причин общественно-политическая элита России больше тяготеет к Европе и меньше знакома с китайскими культурными традициями, что сдерживает расширение российско-китайского диалога в политической, экономической и гуманитарной сферах. Аналогичная проблема существует и в Китае, где в условиях признания за русской культурой статуса великой приоритетными, тем не менее, являются культурно-экономические заимствования в англосаксонской среде.

В-четвертых, расширение применения в международной практике «мягкой силы», основополагающим компонентом которой является публичная дипломатия с ее инструментарием, в первую очередь отражает понимание того, что «мягкая сила», равно как и культурное сотрудничество, призваны обслуживать национальные интересы страны, а, следовательно, учитывать все векторы и приоритеты ее внешней политики. В этом смысле российско-китайский публичный диалог не является исключением. Безусловно, статус стратегического партнерства — положительный фактор перспективного взаимодействия в рамках публичной дипломатии, однако не следует упускать из виду влияние меняющихся приоритетов внешней политики.

В-пятых, ряд институтов, участвующих в публичной дипломатии и культурных обменах, имеют разные статус и финансовое положение, что влияет на качество обменов. Так, российское Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), являющееся одним из активных субъектов публичного диалога и публичной дипломатии — общественная, самофинансируемая организация. В то же время его китайский партнер — Китайское народное общество дружбы с заграницей (КНОДЗ) — государственное учреждение с солидным государственным финансированием. Похожая картина наблюдается и в других российских организациях: Союз журналистов России, Союз писателей России и многие другие.

В-шестых, основными проводниками публичной дипломатии в российско-китайских отношениях по-прежнему остаются общественные, научные и образовательные организации, Общество дружбы, государственные учреждения. Деятельность российских учреждений в Китае, по разным причинам, имеет географические и финансовые ограничения. Их работа концентрируется преимущественно в столичном или центральном регионе.

В ближайшие годы потребуются значительные усилия для того, что сохранить темпы развития культурных связей на существующем, стабильно высоком уровне.

Инструменты общественного стимулирования российско-китайских отношений нуждаются в дальнейшем совершенствовании, но не столько во внедрении дополнительного инструментария, сколько в отладке деятельности уже имеющихся структур, в расширении их возможностей, а также в привлечении средств крупных частных и государственных корпораций и компаний, которые занимаются бизнес-проектами на территории КНР.

1. URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm
2. Официально идея возрождения была объявлена 29 ноября 2012 г. председателем Си Цзиньпином в ходе его посещения выставки «Путь возрождения» в Национальном музее КНР. Подчеркивалось, что «китайская мечта» это не только стремление к личному, материальному благополучию, но и мечта о сильном государстве, которое собственно и гарантирует ее осуществление.
3. URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm
4. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>
5. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016. Ст. 84. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248
7. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>
8. Юаньхан ихао. Цзяньчи чицзю доучжэн, фаньдуй шибай чжуи: [Продолжить упорную борьбу, выступая против поражения] // Хунсэ чжунго (RedChinaCn.net). 29.12.2017. URL: <http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=34064>
9. Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>
10. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. См.: Первые 100 дней правления нового руководства КПК побудили мир возложить новые надежды на Китай. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8141047.html>
16. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. Дананг. 10.11.2017. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/56046>
17. Стороны продолжают проработку соответствующих мер по созданию Евразийского экономического партнерства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учета интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе»- подчеркнуто в Совместном заявлении РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (4 июля 2017 года). URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>
18. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; Российский совет по международным делам. М.: РСМД, 2017. С. 7.
19. Там же.
20. Там же. С. 67.